

бизнеса добиваться большей автономии и влияния. В странах ЦВЕ, наоборот, главной и трудноразрешимой проблемой ассоциаций бизнеса остаются ресурсы. Там реальная возможность для дальнейшего развития ассоциаций бизнеса связана с содействием со стороны институтов ЕС. В России ограниченность ресурсов ассоциаций бизнеса носит временный характер и связана, главным образом, с неясностью модели отношений с государством и несформированной системой приоритетов бизнеса. Снижению неопределенности в этих вопросах может способствовать более четкое определение своей миссии с учетом новых возможностей и ограничений.

Р. ТУРОВСКИЙ.

Региональные выборы в России: случай атипичной демократии

Российская партийная система: от КПСС до «Единой России» за 17 лет

Первые выборы на альтернативной основе, в которых участвовали как КПСС, так и представители разнообразных новых политических движений, прошли в России еще в 1989 г. С тех пор прошло 17 лет, но говорить о формировании в стране устойчивой партийной системы не приходится до сих пор. Не случайно проблематика развития российской партийной системы остается в центре внимания многих исследователей (можно в частности отметить доклад ЦПТ 2005 г. «Российская партийная система: нынешнее состояние и перспективы развития»). В процессе, который принято называть демократическим транзитом, Россия пошла своим путем, сильно отличаясь от стран Центральной и Восточной Европы. На нынешнем этапе этого транзита в России уже можно говорить об особой форме демократии, которая далека от западных норм. В настоящей работе мы попытаемся показать, как выглядит партийная система в российской «неклассической» демократии (в западной литературе говорят о гибридных политических режимах) с использованием результатов выборов в региональные законодательные собрания 2004–2006 гг. Вначале определим особенности российской партийной системы.

1. Российская партийная система неустойчива. В России немного партий, имеющих продолжительную историю непрерывного и притом более или менее успешного участия в избирательных кампаниях федерального уровня. Только КПРФ и ЛДПР — лидеры левого и националистического голосований — участвовали во всех четырех думских кампаниях (1993, 1995, 1999 и 2003 гг.), всегда преодолевая заградительный барьер. На либеральном фланге «Яблоко» проходило в Госдуму трижды, но в 2003 г. потерпело поражение и выбыло из числа влиятельных партий.

Напротив, немало партий и предвыборных блоков, которые добивались успеха на думских выборах не более одного раза. Многие из них после этого прекращали свое существование, меняли название и идеологию, сливались с другими политическими силами. Это во

многим соответствует ситуации «бесформенного плюрализма» (Гельман, 2006). В то время как в странах Центральной и Восточной Европы партийная система сложилась на основе общественно-политических групп эпохи «бархатных революций», в России в 1990-е гг. устойчивых и притом влиятельных партий почти не было. В 2000-е гг. началась другая тенденция — формирование одной устойчивой и влиятельной партии в лице «Единой России». Однако в конце 2006 г. и эта тенденция сменилась на другую — попытку формирования второй «партии власти» в процессе объединения Российской партии жизни, «Родины» и Российской партии пенсионеров.

Неустойчивость партийной системы подчеркивает и усиливает частое изменение правил игры на выборах: каждые федеральные выборы превращаются в эксперимент. Для России типична ситуация, когда перед каждыми новыми федеральными выборами принимается новый закон о выборах. Даже заградительный барьер, который с первых думских выборов 1993 г. был установлен на уровне 5% и стал привычным, с 2007 г. будет изменен и повышен до 7%. Под федеральные изменения подстраивается региональное избирательное законодательство.

2. В России до сих пор не существует партии, которую можно было бы назвать правящей в полном смысле этого слова, в соответствии с классическими представлениями о правящих партиях в демократических, да и не обязательно в демократических странах. Примечательно, что на каждую из четырех думских кампаний властные элиты шли под разными партийными знаменами. В 1993 г. их интересы в наибольшей степени представлял «Выбор России», в 1995 г. — «Наш дом — Россия», в 1999 г. — «Единство» и «Отечество — вся Россия», в 2003 г. — «Единая Россия». В 2007 г. интересы части властных элит, видимо, будет представлять и новое объединение на основе Российской партии жизни.

В настоящее время в России продолжается партийная реформа. Она вписывается в целую серию политических реформ, инициированных при В. Путине и призванных упорядочить политическую систему в соответствии с интересами и представлениями властной элиты (см. Зудин, 2002). Речь идет не о развитии партий, а о создании удобного правящей элите партийного порядка. «Партийная реформа» направлена на резкое сокращение числа партий в России за счет введения жестких критериев партийной регистрации. Использование жесткого законодательства в российских условиях имеет важное политическое значение, т.к. обычно оно направлено против политически неугодных партий и, наоборот, создает режим наибольшего

благоприятствования тем партиям, которые не имеют влияния в обществе, но существование которых выгодно властным элитам.

3. Партийная система в России находится на периферии политической системы в целом. Формирование партийной системы в России было обусловлено принципиальным решением в начале 1990-х гг. о проведении думских выборов по смешанной системе и, соответственно, введением партийных списков (это решение было одним из типичных для той поры заимствований апробированных на Западе демократических институтов). Демократизация в России начала 1990-х гг., в годы перестройки и на первом сроке правления Б. Ельцина рассматривала многопартийность как нечто само собой разумеющееся, позволяющее России войти в группу демократических государств, что воспринималось в качестве стратегической цели. Этими идеологическими доминантами начала 1990-х гг. было обусловлено принципиальное решение избирать половину депутатов Госдумы по партийным спискам. Предполагалось, что данное решение поможет формированию в России партийной системы, пробудит интерес населения к партиям и запустит механизм демократических выборов. Учитывая слабость политических партий того времени, стоит сделать оговорку, что если бы выборы в России проводились только по округам, то партии могли бы вообще не сформироваться. Выборы в округах в 1990-е гг. демонстрировали явные преимущества не «партийных», а «независимых» кандидатов (Туровский, 1995).

Партийное представительство изначально было создано и гарантировано только в органах законодательной власти федерального уровня, а точнее только в Госдуме. Формирование политического режима в России уже в 1990-е гг. характеризовалось моноцентризмом, явным доминированием президента и исполнительной власти. В условиях моноцентрического режима и государственного устройства, которое многие политологи называют суперпрезидентской республикой, законодательная власть оказалась слабой и зависимой. Вместе с ней слабыми оказались и партии, поскольку их влияние распространялось всего лишь на часть депутатского корпуса в Госдуме — своеобразный «партийный уголок» на периферии политической системы.

4. Партийная система носит элитарный и клиентельный характер. Она мало и опосредованно связана с общественными интересами. Точнее, эта связь носит особый характер, поскольку большинство партий создается не «снизу», через процесс артикуляции и агрегирования социальных интересов, а «сверху», элитными группа-

ми. Как отмечают И. Бунин и Б. Макаренко, «Все российские партии, сохраняющие жизнеспособность... строятся «сверху вниз», от лидера (лидеров) к субэлите, а не «вырастают» из гражданского общества. Другими словами, стабильная партия в первую очередь является орудием лидера и/или его группировки, уже укоренившейся в элите (или контрэлите)» (Бунин, Макаренко, 1998). Затем для придания «своим» партиям устойчивости элиты в рамках избирательных кампаний и в межвыборный период создают клиентельные отношения с «низовыми» социальными группами, различными способами добиваясь их электоральной поддержки.

Принято считать, что в российской политике доминируют отношения патронажно-клиентельного типа. В такой политической системе партии становятся вторичными, они, как правило, являются результатом деятельности тех или иных патронов во властной элите, заинтересованных в создании партий (для институционализации клиентелы, участия в выборах, оформления фракции, лоббирования интересов с помощью партийного представительства в органах власти и т.п.). При этом главными интересами патронов и их непосредственных клиентов в условиях либерализации экономики и рыночных реформ оказываются борьба за контроль над национальными богатствами, за перedel собственности и экономические сферы влияния.

В этой связи партии в России часто воспринимаются как PR-проекты, иногда одноразовые, как сугубо избирательная технология. Создание партий, как правило, — дело рук правящих элит, и с помощью партий они защищают свои интересы в органах законодательной власти. Одновременно клиентелы заинтересованы в том, чтобы их партии получили максимально возможное представительство в органах законодательной власти. Для этого они решают задачу массовой мобилизации, адаптируя идеологию под требования массовых групп и стремясь отчасти выразить их интересы. В партийной системе, в которой партия представляет собой элитный проект, электоральная система функционирует «неклассическим» образом.

Стартом процесса партогенеза обычно становится решение патрона о партийной институционализации клиентелы для обеспечения устойчивого представительства интересов в органах законодательной власти. Вслед за этим решается вопрос о выборе идеологии, более или менее соответствующей политическим взглядам членов клиентелы, и адресных электоральных групп, мобилизация которых необходима для электорального успеха. Это влечет за собой рекрутирование представителей целевых групп в партийные ряды и отчасти в партийное руководство и разработку идеологии, способной

мобилизовать эти группы на выборах. Возникает партия — как альянс политико-экономической клиентелы и социальных целевых групп, который проходит тестирование на выборах. Массовые социальные группы, таким образом, становятся периферийной клиентелой влиятельных патронов, заинтересованных в электоральной поддержке. Следует, однако, отметить, что количество групп влияния в российских условиях многократно превышает число партий: потребность в обеспечении парламентского представительства влечет за собой их объединение как тактическое, так и стратегическое. В результате крупные «элитарные» партии всегда имеют сложноставной характер.

В случае прохождения в парламент партия клиентельного типа обеспечивает обратную связь с целевыми группами, обеспечивая политическое представительство их интересов. Однако вторичность и неравноправие целевых групп в этом альянсе нередко приводит к тому, что партия не принимает решения в их интересах, решая в качестве приоритетных задачи своей клиентелы. Это в свою очередь влечет за собой частое возникновение и исчезновение партийных проектов, вызванное не только неустойчивостью элитарных групп влияния, но и отсутствием обратной связи с избирателями.

Беспартийная система вместо однопартийной?

После краха КПСС в России пока правильнее говорить о беспартийной системе с периферийными элементами многопартийности. Беспартийность задана несколькими обстоятельствами.

1. Делегитимация КПСС — «партии-государства» снизила интерес общества к партиям как таковым, сформировалась заметная антипатия к партийности и к идеологиям как таковым.

Элементы многопартийности внедрялись в эту беспартийную систему прежде всего на думских выборах. Но стоит отметить, что далеко не все участники думских выборов являлись или назывались партиями: доминировали избирательные объединения, предвыборные блоки. И далеко не все депутаты, избранные по партийным спискам, являлись членами партий. Таким образом, партиям изначально было отведено очень небольшое пространство, которое на самом деле не просто соответствовало, но было даже больше того, которое они реально занимали в общественной жизни. Такой кажущийся парадокс объясняется тем, что введение смешанной системы на думских выборах воспринималось и как способ «выращивания» партий в условиях их фактического отсутствия.

2. Возникло системное противоречие между либеральной экономической политикой новых властвующих элит и интересами большинства россиян, которые после шоковой терапии столкнулись с проблемой бедности. Следовательно, создание идеологами реформ «честной» партии либерального толка с самой высокой вероятностью привело к ее поражению на первых же выборах. Это наглядно продемонстрировал пример «Выбора России», который занял второе место по спискам на выборах 1993 г.

3. Менее идеологизированная — численно доминировавшая часть российской элиты стремилась находиться вне партий и над партиями, исходя из того, что партийная ангажированность снижает электоральную поддержку — в условиях слабости партий, отсутствия у них массовой поддержки. Партийность (в условиях многопартийности) была воспринята элитами в прямом понимании этого явления, как представительство части общественных интересов, не позволяющее управлять обществом в целом и связанное с рисками потери власти. Властвующие элиты стремились к возможно полному, тотальному контролю над обществом и национальными богатствами. В этих условиях они не могли сковывать себя партийными рамками, рискуя потерять власть (кстати, демократическим путем). Этим объяснялся принципиальный выбор Б. Ельцина: президент России должен находиться над партиями. Эту же логику воспроизвел и В. Путин. Вместе с главой государства над партиями и, следовательно, вне партий находились высокопоставленные федеральные чиновники, главы регионов и др.

4. Процессы самоорганизации социальных групп на низовом уровне в группы интересов и партии развивались очень медленно и слабо. Пик такой самоорганизации достигнут в годы перестройки, когда наиболее активная часть общества включилась в борьбу против советской системы, и в стране возникло огромное количество протопартийных групп самой разной идеологической ориентации. Парадоксально, но только в конце 1980-х гг. в России (тогда еще в СССР) существовал, пожалуй, самый полный спектр политико-идеологических групп, представлявших собой зародыши политических партий (Голосов, 2000). Однако с началом развития электоральной демократии началось или угасание этих групп, или создание при их участии более крупных политических сил.

При этом быстро выяснилось, что основная часть российского общества не проявляет интереса к политической деятельности в целом и партийной активности в частности. Традиционно это принято объяснять слабостью гражданского общества в России в связи с ее авторитарными традициями и тоталитарным прошлым. Во мно-

гом это действительно так. Но одновременно выявились другие «естественные» ограничители партийной системы. Традиционная ориентация российского населения на личности лидеров столкнулась с реалиями, когда ярких, харизматических лидеров в российских партиях не оказалось. Единственным политиком федерального масштаба, который сумел сохранить весьма ограниченную, но все же харизматическую популярность, оказался В. Жириновский, что обусловило резистентность ЛДПР. Очевидной стала недемократическая сущность партийных целей, когда лидеры стремились к завоеванию власти, к тотальному господству, забывая про коалиционность и демократическую ротацию власти. Оторванность большинства партий от общества привела к развитию в нарождающихся партиях вождизма, организационной слабости.

Партия власти без власти — продукт элитарно-клиентелистской партийной системы

Особый интерес представляет собой появление в России феномена «партии власти», одним из первых его описывал А. Рябов (см. Рябов, 1998). Она возникает в процессе структурирования новой властной элиты, которая складывалась из трех основных частей — адаптировавшейся к реформам советской номенклатуры (изначально доминировавшая часть), новых слоев бизнеса и нового «несоветского» чиновничества, сделавшего карьеру уже в постсоветский период. У этой элиты главным общим интересом стало удержание власти в условиях стратегической неустойчивости политических позиций. Неустойчивость определялась тем, что либеральные экономические реформы и прежде всего приватизация, которые приносили элитам наибольшие выгоды, и в процессе которых складывались мощные политико-экономические клиентелы, не имели широкой поддержки среди населения. Это в свою очередь стимулировало интерес элиты к ограничению демократических свобод и управлению структурированием партийно-политического поля с целью снизить политические риски для ее бизнеса. Природные богатства и индустриальный потенциал России стали ее проклятием (направляется аналогия с тезисом о «сибирском проклятии» (К. Гэдди и Ф. Хилл), поскольку интерес элит к переделу собственности оказался намного сильнее интереса к демократическим реформам.

Российская политическая система сохранила элитарный характер, где системообразующую роль играют отношения между элита-

ми и массами. Российский парадокс заключается в латентном идеологическом противостоянии элит и масс в связи с коренным несопадением их интересов. Это несопадение уже привело однажды к революции 1917 г., итогом которой, однако, стало формирование новой элитарной системы с партийной номенклатурой КПСС в роли элиты. Нарастание противоречий между элитой КПСС и массами вызвало «демократическую революцию», которая в отсутствие устойчивой идеологической доминанты (в отличие от «либеральных» и «прозападных» «бархатных революций» в странах Центральной и Восточной Европы) закончилась быстрым формированием новой властной элиты, не заинтересованной в развитии демократических свобод. Однако внедрение электоральной демократии под влиянием как «внешнего фактора», так и идеологических ориентаций демократически настроенной интеллигенции, сохранявшей в начале 1990-х гг. свое политическое влияние, заставило элиты адаптироваться к новым правилам игры. А именно — создавать партии и искать способы электоральной поддержки со стороны масс, преодолевая тем самым идеологический конфликт. Это вызвало к жизни «партии власти».

Феномен оппозиции в России самым тесным образом связан с феноменом «партии власти». Оппозиция, многократно уступая по своим ресурсам «партии власти», но представляя при этом более широкие и яснее сформулированные общественные интересы, занимает те ниши, которые в данный момент времени не в состоянии занять «партия власти». Речь идет о тех социальных группах и идеологиях, которые «партия власти» не может эффективно мобилизовать или использовать.

Распространено мнение, что «единственной партией» в России является КПРФ. Это мнение основано не только на том, что КПРФ успешно участвовала во всех думских выборах и по их совокупности добилась наилучших результатов (если не брать «партии власти»). КПРФ — это, пожалуй, единственная партия, которая действительно создавалась снизу и притом на основе распространенных массовых интересов и настроений. Ее появление — это, конечно, результат того, что властные элиты избрали на первом этапе тактику быстрого проведения болезненных экономических реформ, породив массовое недовольство и ностальгию по советскому строю. КПРФ — это продукт не только массового движения «снизу», но и правила «обратного эффекта» — политики властной элиты начала 1990-х гг., ее резкого разрыва с прошлым, к которому не было готово общество. Под флагом КПРФ началось партийное структурирование наиболее ус-

тойчивых и притом политизированных остатков советского общества. По сравнению с КПРФ остальные партии, включая «партии власти», действительно выглядят PR-проектами клиентельного типа.

В России переход к демократии явственно высветил коренное противоречие между экономической либерализацией и политической демократизацией: первое — получило огромную заинтересованную поддержку, в то время как второе — осталось на периферии элитных, да и во многом широких общественных интересов. В такой ситуации неудивительно, что элиты с целью сохранения своего статуса со временем начали ограничивать вертикальную мобильность, сокращая пространство для демократических процедур и управляя партийным строительством. В сущности, при В. Путине начался новый этап отчуждения общества от власти — уже с новыми властными элитами. Но созданные в 1990-е гг. правила игры сделали необходимым создание элитами партий с массовой поддержкой. В 2000-е гг. усиление моноцентризма политического режима и связанная с этим «партийная реформа» привели к решению положить конец элитной многопартийности и беспартийности и создать одну «партию власти» — «Единую Россию». Однако имманентная межгрупповая борьба в федеральной властной элите не позволила и, видимо, не позволит «Единой России» полностью реализовать этот статус. Укрепление Российской партии жизни, возглавляемой Председателем Совета Федерации С. Мироновым, стало наглядным тому доказательством.

Решение выстроить партийную систему на основе «Единой России» носит пока половинчатый характер, поскольку распространяется на парламент страны, губернаторский корпус и региональные законодательные собрания, т.е. подчиненные и подконтрольные политические институты. Тем временем наиболее мощные политические институты — президент страны и, во многом, федеральное правительство остаются вне партий.

Проводя исторические аналогии, следует заметить, что «Единая Россия» отличается от КПСС по ряду признаков.

Во-первых, высшее руководство страны остается вне партийных рамок, а значит, «Единая Россия» далека от образца «партии-государства». Скорее, она представляет собой удобный способ организации и мобилизации пропрезидентской политической элиты. «Единую Россию» нельзя назвать полноценной правящей партией в отсутствие «партийного правительства» и «партийного президента» (о чем как раз и говорят сейчас некоторые высокопоставленные партийные функционеры, стремящиеся избавиться свою партию от вторичной роли в политической системе).

Во-вторых, «Единая Россия» не имеет четкой идеологии, стремясь следовать модели catch-all party. Одно время она позиционировалась как правоцентристская партия. Более того, отмечался ее уклон в сторону консерватизма. В США «Единая Россия» налаживала связи с республиканцами. Партийные идеологи проводили аналогии «Единой России» с германским ХДС. Затем, однако, «партия власти» занялась идеологической экспансией на других направлениях. В партии оформилось либеральное (или либерально-консервативное) крыло. Появилось «левое» — социал-консервативное крыло, которое, учитывая огромную роль патернализма для российских выборов, стало набирать силу с претензиями (и хорошими шансами) на доминирование. Однако на самом деле первичным для «партии власти» является принадлежность члена партии к властной элите в том виде, в каком она сложилась при Б. Ельцине и В. Путине. Идеология носит инструментальный характер, подстраиваясь под общественные настроения, чтобы не дать партии утратить лидерские позиции. В основе своей постсоветская элита деидеологизирована, притом еще с позднесоветских времен, где находятся ее корни, и когда коммунистическая идеология превратилась в малосодержательный ритуал.

В-третьих, в отличие от советских времен в российском «партийном уголке» создана хотя бы формальная многопартийность. Существует определенный, пусть невысокий (и снижающийся), уровень конкуренции. Он обусловлен не только различными социально-групповыми интересами, которые «питают» многопартийность в классических демократиях. В России с ее развитыми патронажно-клиентельными отношениями конкуренция между клиентами (неизбежно острая на этапе борьбы за передел национальных богатств) создает «клиентельную» многопартийность. В такой ситуации влиятельные клиенты заинтересованы как в борьбе за более мощное представительство в «Единой России», так и в создании собственных партий (нередко используются обе технологии). Обе тенденции создают мощную напряженность на партийном поле, сопоставимую с напряженностью в «нормальных» партийных системах и даже ее превосходящую.

Для России характерно огромное влияние клиентелизма на партийную систему — гораздо более сильное по сравнению с влиянием социально-групповых интересов (исследования клиентелизма в России см. Афанасьев, 2000). На протяжении многих лет шла борьба клиентов за право создать ведущую «партию власти», и при этом сохранялся заметный полицентризм. Необходимо различать «пар-

тию власти» в широком и узком смысле этого слова. В широком смысле слова «партия власти» — это синоним всей властной элиты, включающей множество групп и клиентов и объединяющей как беспартийные, так и партийные группы. В узком смысле слова мы говорим об институционализированных «партиях власти», прошедших оформление в виде политических партий или как минимум общественно-политических движений и избирательных объединений. Процесс развивался в сторону формирования институционализированных «партий власти» с неизбежными конфликтами между группами влияния.

Например, на выборах 1993 г. роль институционализированной «партии власти» выполняло избирательное объединение «Выбор России», в котором ведущую роль играли либеральные реформаторы во главе с Е. Гайдаром, занимавшие ключевые посты в Правительстве и Администрации Президента. В то же время другие представители властной элиты участвовали в формировании Партии российского единства и согласия, Российского движения демократических реформ, т.е. «Выбор России» не имел монополии на фланге «партии власти». На парламентских выборах 1995 г. в роли «партии власти» выступило объединение «Наш дом — Россия», в основе которого была клиентела тогдашнего премьер-министра В. Черномырдина. В 1999 г., в процессе смены президента (Б. Ельцин уже назвал В. Путина своим преемником), отмечался глубокий раскол элит, что привело к выдвижению двух сильных «партий власти» (Лихтенштейн, 2002). Одна из них была тесно связана с Кремлем («Единство»). Другая представляла собой альянс региональных элит (в особенности групп Ю. Лужкова и М. Шаймиева) с бывшим премьер-министром Е. Примаковым («Отечество — вся Россия»). В выборах участвовал даже заметно ослабленный НДР, лидер которого потерял премьерский пост и вместе с ним статус влиятельного патрона.

После прихода к власти В. Путина, однако, вследствие президентских решений, усиливалась тенденция к консолидации элит, которая привела к выдвижению новой «партии власти» — «Единой России», созданной в результате объединения «Единства» и ОВР. Эта партия действительно мощно выступила на выборах 2003 г.: впервые «партия власти» заняла уверенное первое место на выборах по спискам. Однако элементы «элитной многопартийности» сохранились и в 2000-е гг. Одна из влиятельных групп, приближенных к президенту, создала Российскую партию жизни, руководителем которой стал спикер Совета Федерации С. Миронов. В настоящее время эта партия претендует на статус второй «партии власти», хотя по

своим организационным ресурсам многократно уступает первой. Одно время была заметна Народная партия РФ, созданная на основе группы ранее «независимых» депутатов-одномандатников, входивших в Госдуме третьего созыва в группу «Народный депутат». В этой связи популярным стало рассуждение о доминирующей «партии власти» — «Единой России» и ее дублерах. Однако понятие «дублер» не означает мирных отношений с «Единой Россией»: Российская партия жизни, например, постоянно выступала с ее острой критикой.

В терминах партийной системы российский клиентелизм может иметь как многопартийный, так и внутрипартийный характер. В первом случае идет конкуренция между клиентами, создающими собственные партии. Во втором — складывается доминирующая «партия власти», куда стремятся попасть различные клиентелы. Это в свою очередь ведет к обострению внутрипартийной борьбы, поскольку клиентелы стремятся захватить ведущие позиции в партийном руководстве. В целом же «партия власти» превращается в коалицию групп влияния. Единство «Единой России» ограничено внутрипартийной борьбой между клиентами и обеспечивается ее статусом доминирующей партии и поддержкой этого статуса со стороны Кремля.

Парадоксы электоральной демократии в России

Развитие электоральной демократии в России также имело свои особенности, позволяющие говорить о ее неклассических формах.

Как уже говорилось, для России типична низкая гражданская активность. Точнее она плохо организована и структурирована: артикуляция общественных интересов оказывается очень сложным с точки зрения организации и малоэффективным с точки зрения результата процессом. В новых условиях развития электоральной демократии быстро определилось, что советское и в целом историческое наследие продолжает превалировать. В основе этого наследия — традиционное отчуждение масс от власти в сочетании с дозированным патернализмом властей, заинтересованных в общественной поддержке. Политическая пассивность во многом, впрочем, является результатом отсутствия каналов для ведения эффективной общественной деятельности, которая «уходит в песок» на российских просторах и в бюрократических «болотах», а не особенностью российской политической культуры.

Однако основная часть общества пока еще не прошла через этап осознания своих социально-групповых, классовых интересов, по

привычке ожидая, что за него их сформулируют профессиональные политики. Экономические реформы не способствовали усилению социальной самоорганизации, породив резко выросшую атомизацию общества и создав один принципиально важный общественный интерес — выживание и благополучие малых групп (семейно-родственных, узкокорпоративных). При этом не могла сложиться социальная солидарность в виде агрегирования интересов малых групп, находящихся в похожем положении. Это объясняется продолжающейся социальной конкуренцией между однотипными социальными группами за дефицитные ресурсы. Отчасти работает и пространственный фактор — слабая или просто отсутствующая координация деятельности однотипных социальных групп на огромной территории с недостаточно развитыми коммуникациями. Лишь в последние годы с повсеместным развитием Интернета межрегиональная координация социально-политической активности начинает выходить на должный уровень.

Кроме того, характерным для патерналистских отношений является постоянное воспроизводство общественных ожиданий от власти. Не случайно в российском политическом анализе часто говорят про «революции ожиданий», самой мощной из которых, безусловно, была «демократическая революция» 1991 г. При этом довольно пассивное общество терпимо относится к невыполнению предвыборных обещаний, болезненно, но переживает разочарование. Это часто связывают с традиционным русским терпением, которое можно объяснить особенностями политических отношений. Русское терпение — это результат типичной, выработавшейся веками невозможности повлиять на процесс принятия политических решений в связи с отсутствием эффективных каналов и, как результат, постоянной апелляцией к существующей власти в надежде, что она начнет «прислушиваться» к «голосу народа». Интересно, что и сейчас, как показывают социологические исследования, поддержка власти в целом и конкретных фигур (прежде всего президента) в России существенно выше поддержки конкретных действий и решений того же президента. Однако отсутствие массовой поддержки этих решений не влияет напрямую на рейтинг президента, поскольку глава государства остается объектом общественных ожиданий.

Атипичность российской демократии наглядно доказывается парадоксом электорального участия. Как показывает анализ явки на российских выборах, наибольшую активность демонстрируют представители социально пассивных слоев. Общим местом стало описание того, что погоду на российских выборах делают пенсионе-

ры, в то время как молодежь их игнорирует. Пенсионеры — это во многом продукт советской эпохи, выборы они воспринимают как обязательный политический ритуал, участие — как проявление дисциплины. Частью этого ритуала является поддержка патерналистской власти, а значит, электоральный выбор в условиях многопартийности связан с оценкой и сравнением «патерналистского потенциала» существующих партий. Создание необходимой явки на выборах превращается в еще одну избирательную технологию, и закономерно, что в результате ее использования только усиливается участие социально зависимых и потому политически более пассивных слоев. Ведь явка обеспечивается с помощью социальных сетей зависимых от администраций напрямую (бюджетные организации, воинские части, государственные предприятия и т.п.) или финансово (аграрные хозяйства, менее успешная и не входящая в крупные ФПГ часть промышленных предприятий).

При этом социально мобильные группы проявляют интерес прежде всего к более статусным выборам — федеральным, в наибольшей степени — президентским. Возникает парадокс между социальной и политической активностью, которая характерна для разных групп.

В социально активной части российского общества распространено понимание слабой роли региональных законодательных собраний и органов местного самоуправления, а также искусственности партийной системы. В то же время отсутствие необходимых ресурсов и малая численность не позволяют этим группам трансформировать партийную систему в своих интересах. Ярким примером стало постепенное угасание «Яблока», пытавшегося представлять интересы городской интеллигенции и не крупного бизнеса. В этой ситуации бизнес-элиты, как наиболее активная часть нового российского общества, постепенно стала переориентироваться с попыток создания собственных партий (Союз правых сил, «Яблоко» и др.) на партийные проекты. Причина в том, что их «родные» партии не могли завоевать достаточную электоральную поддержку в связи с явной недостаточной численностью электората.

Как результат, бизнес стал делать прагматический выбор в пользу тех партий, которые являются «проходными», пусть с идеологией, рассчитанной на совершенно другие слои населения. Например, региональный бизнес, помимо «Единой России» и, отчасти, — РПЖ заинтересован в ориентации на свои интересы партии «Родина» и Российской партии пенсионеров. Партия пенсионеров — это один из главных парадоксов такой искаженной партийной системы. Ее создание частью властных и деловых элит — прямое следствие того, что

пенсионеры являются наиболее дисциплинированным электоратом, позиция которого часто определяет исход выборов. Однако создатели партии и ее региональных отделений — это совсем не пенсионеры. Обычно это — представители регионального бизнеса, использующие «проходную» партию для создания своего представительства в легислатурах. Налицо «несимметричный» альянс бизнес-элиты и пенсионеров, в котором последние играют роль «электорального мяса».

В целом для российской партийной системы характерна социальная дистанция между партийным руководством и электоратом. Причина — в особенностях политической культуры в России и патерналистском уклоне российской электоральной демократии. В таких условиях социальная дистанция между партией и ее электоратом воспринимается нормально, поскольку электорат выбирает себе патронов, способных (или кажущихся способными) решить его социальные проблемы, и совершенно не стремится к тому, чтобы актив и руководство партии действительно его представляли генетически. Те же тенденции характерны для формирования Совета Федерации, избрания «варягов» губернаторами и депутатами Госдумы (технология, которую можно назвать «наймом столичного лоббиста»). При таком подходе социально незащищенные группы — субъект патерналистских отношений, наоборот, нуждаются в поддержке со стороны более обеспеченных слоев населения, видя в создаваемых ими партиях эффективных патронов и стремясь влиться в их клиентелы.

В России сформировалась устойчивая «лестница» уровней электорального участия на различных выборах. Наиболее высокие показатели явки типичны для президентских выборов, которые считаются самыми статусными. Всегда ниже участие в федеральных парламентских выборах. На третьей ступени ранее находились губернаторские выборы. Сейчас ее заняли выборы в региональные законодательные собрания, но явка на них была и остается ниже, чем на губернаторских выборах. Наименьший интерес избирателей привлекают выборы органов местного самоуправления. Такая «лестница» является следствием прагматической оценки избирателями важности выборов разного уровня и эффективности своего участия в них. Ее характер ярко отражает особенности суперпрезидентской республики, в которой доминирует «выборный царь» — президент, законодательная власть всегда слабее исполнительной, региональная власть — федеральной, а муниципальная — региональной.

Выводы, приведенные в настоящей работе, были получены на основе исследования выборов в региональные законодательные

собрания, которые прошли в 48 субъектах Федерации за период после президентских выборов 2004 г. и до осенних выборов 2006 г., включительно²⁸.

Как показывает исследование, на выборах в региональные законодательные собрания происходит снижение явки в среднем на 15% по сравнению с думскими выборами. Чаще всего явка оказывается в пределах 30–40% (23 региона). В трех случаях — во Владимирской, Иркутской и Свердловской областях явка даже не дотянула до 30%. Только в трех регионах — Чечне, Агинском Бурятском и Ненецком АО явка оказалась более 60%, еще в шести (Республика Алтай, Тува, Белгородская, Брянская, Курганская области и Чукотка) — от 50 до 60%. Успехом с точки зрения избирательской активности в российских регионах считаются даже случаи, когда явка на выборы в региональные законодательные собрания составляет от 40 до 50%. Такие случаи отмечены в 13 регионах — Адыгее, Чувашии, Астраханской, Воронежской, Ивановской, Кировской, Курской, Липецкой и Тамбовской областях, Еврейской АО, Таймырском, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО. Для сравнения отметим, что на более статусных губернаторских выборах явка обычно находилась в пределах от 40 до 50%, т.е. была примерно на 10% выше. На федеральных парламентских выборах 2003 г. явка составила 55,6%, а на президентских выборах 2004 г. — 64,3%. Получается, что при движении вниз по «лестнице» снижающейся явки каждый раз происходит потеря примерно 8–10%.

Анализ списка активных и пассивных регионов показывает, что наибольшая активность характерна именно для периферии. В этом списке доминируют национальные автономии и регионы с высокой долей сельского населения. Как известно, именно этнические и аграрные периферии в России демонстрируют самую высокую явку. Напротив, столичные центры и индустриальные регионы склонны к электоральной апатии. В этом еще один парадокс российской электоральной демократии.

Доминирование представителей пенсионного и предпенсионного возраста среди тех, кто голосует на региональных выборах, определяет основной идеологический сценарий политической борьбы. С одной стороны, для наиболее активной части электората генетически характерно следование социалистическим ценностям. Это предопределяет довольно заметное влияние КПРФ. С другой, —

²⁸ Анализ этих и других региональных избирательных кампаний см. также: Иванченко, Кынев, Любарев, 2005

российские властные элиты постепенно и неуклонно внедряют то, что следует назвать новым патернализмом. Они ведут предметную работу с социально незащищенными слоями, которая оказывается наиболее эффективной на этапах улучшения экономической ситуации (как это произошло в годы правления В. Путина). Новый патернализм предполагает повышение пенсий и бюджетных зарплат, социальную помощь в разных формах, строительство социально значимых объектов инфраструктуры. Учитывая невысокий уровень потребностей активного электората, это позволяет добиваться политической поддержки при в целом не столь больших затратах. Новый патернализм частично заменил прежний, советский, получив поддержку со стороны социальных групп, воспитанных в советскую эпоху. В идеологии «партий власти» он в свою очередь вытеснил либеральные реформы, не позволившие создать устойчивую электоральную базу и потому выведенные за рамки электорального контекста (но не за рамки политики властей как таковой). В результате возникла ситуация, когда «партия власти» и коммунистическая оппозиция, каждая со своей стороны, работают на одном и том же электоральном поле, идеологический сценарий выборов можно сформулировать как «новый патернализм против советской патерналистской ностальгии».

Отношение властных элит к уже сложившимся ранее партиям определяется тремя факторами — идеологической совместимостью, готовностью к коалиционной игре и шансами на преодоление заградительного барьера. По совокупности этих признаков ЛДПР создала более тесные отношения с властными элитами, но в еще большей степени — с частью регионального бизнеса, который составил основу ее элитной поддержки. КПРФ в большей степени следовала «классической» логике опоры на партийный актив и более или менее массовую поддержку идеологического происхождения, акцентируя противостояние с властными элитами.

Региональные партийные системы: подход к исследованию

Выборы в региональные законодательные собрания последних лет имеют огромное значение для эволюции российской партийной системы. С середины 2003 г. в регионах введена обязательная смешанная система: не менее половины состава законодательных собраний в субъектах Федерации должно формироваться по партий-

ным спискам. Ранее региональные legislatures демонстрировали самые типичные примеры беспартийной системы: все они, как правило, избирались по мажоритарным округам, в депутатском корпусе абсолютно преобладали «независимые», обычно представлявшие региональные и локальные группы влияния. Под давлением центра, стремившегося создать мощную партию — «Единую Россию», ситуация кардинально изменилась, что привело к заметному оживлению партийной жизни в регионах и более активному включению в эту жизнь групп влияния.

Большой интерес представляют выборы в 48 регионах, которые прошли уже после президентских выборов 2004 г. Эти выборы представляют собой «чистые» примеры региональных кампаний, которые не совпадали по дате с федеральными выборами, и являются важнейшим индикатором эволюции партийной системы на втором путинском сроке и в процессе подготовки к федеральному выборному циклу 2007–2008 гг. Также они демонстрируют первые результаты «партийной реформы».

Для нашего анализа целесообразно ввести понятие «региональные партийные системы». Это понятие условно, поскольку влияние партий в регионах выросло, но остается не столь высоким. Тем не менее, региональные партийные системы могут рассматриваться как уровень общенациональной партийной системы, причем развивающийся очень быстро в связи с новыми правилами региональных выборов.

В последние два года в России резко усилился интерес региональных элит к партиям и прежде всего, конечно, к «Единой России». Ситуация на региональном уровне интересна тем, что именно в регионах в партийной деятельности участвует не только законодательная, но и исполнительная власть. Тем самым регионы оказываются впереди федерального уровня. Парадокс, когда региональные партийные системы развиты лучше, чем общенациональная, стал следствием кремлевской политики. Федеральные власти в условиях укрепления властной вертикали рассматривают региональный уровень как подчиненный, и видят объединение основной части региональной власти в рамках «Единой России» как способ консолидации элит под федеральным контролем.

Вступление в «Единую Россию» стало для ослабленных В. Путиным региональных элит способом демонстрации политической лояльности и, одновременно, дополнительной возможностью для лоббирования своих интересов в центре. К весне 2006 г. в «Единой России» состояли 70 российских губернаторов — подавляющее большинство. Для сравнения: в КПРФ к этому моменту со-

стояли всего три губернатора. Известны случаи перехода губернаторов из КПРФ в «Единую Россию» (Краснодарский край, Курская область). В других партиях, включая РПЖ, губернаторы не состоят (парадокс второй «партии власти»: на региональном уровне это часто делает РПЖ оппозиционной партией, тогда как в центре она является, очевидно, провластной). Ранее был случай членства российского губернатора в ЛДПР, но Е. Михайлов (Псковская область) затем перешел в «Единство», а потом все равно проиграл выборы.

Членство губернаторов в «Единой России» задает важнейшую тенденцию: на региональном уровне, в рамках региональных партийных систем эта партия действительно может считаться правящей. Правда, и в этом случае надо сделать оговорку: первичным для исполнительной власти в регионах по-прежнему является достижение властных позиций, а далее следует институционализация принадлежности к властной элите через вступление в «Единую Россию». Хотя в будущем, в связи со вступлением в «Единую Россию» большого числа политиков, возникнет иная тенденция, когда уже «готовые» члены «Единой России» будут становиться губернаторами.

Выборы в региональные законодательные собрания делают региональные партийные системы более разнообразными и многополосными. Для начала проведем расчеты количества партий и блоков, принимавших участие в региональных выборах. Прежде отметим, что в России в 2006 г. действовали 35 партий (по официальным данным, приведенным на сайте Федеральной регистрационной службы www.gosregistr.ru). Однако уровень активности подавляющего большинства партий в регионах крайне низок, многие региональные сети являются фиктивными, на что закрывают глаза лишь по той причине, что некоторые партии нужны президентской администрации, или до их закрытия «не дошли руки».

В среднем в региональных выборах участвовали 7,4 партии или их блока. Это — куда более надежная цифра, показывающая примерное количество более или менее реально существующих в стране партий. Как видим, цифра небольшая — очевидное следствие «партийной реформы», которая ведет к укрупнению, слиянию или ликвидации мелких партий. При этом разброс цифр таков, что в одном регионе в выборах участвовали лишь две партии (Чукотский АО), а в другом — 13. Относительно «многопартийными» оказались три региона, где в выборах участвовало по 11 партий и еще три — с 10 активными партиями. В восьми регионах этот показатель составил 9, еще в девяти — 8 и в девяти — 7. В пяти регионах участие в вы-

борах смогли принять по 6 партий, еще в четырех — по 5. В четырех регионах зафиксировано участие 4 партий, а в одном — только 3.

Еще больший интерес представляет среднее количество успешных партий (блоков), которые смогли преодолеть заградительный барьер. Региональные партийные системы в среднем являются «четырепартийными» или «пятипартийными». Среднее число партий и блоков, попавших в легислатуру по спискам, составило 4,5. Максимальный показатель 8 — был отмечен в одном регионе. Еще в двух регионах в легислатуру попало по 7 партий. Немало регионов — восемь, где успеха на выборах по спискам добились по 6 партий. Ближе всего к среднему показателю 11 регионов, в которых успеха добились по 5 партий. Еще в 16 регионах в легислатуру прошло по 4 партии, в восьми — по 3. «Двухпартийная» система сложилась на Чукотке, где на выборах в окружную думу участвовали и прошли 2 партии, и в Туве, где число участников, однако, было существенным (6 партий).

Анализ итогов региональных выборов только по партийным спискам важен для прогноза развития общенациональной партийной системы, поскольку Госдума в 2007 г. будет избираться только по пропорциональной системе. Однако региональные легислатуры пока формируются по смешанной системе, и выборы в округах немного увеличивают число успешных партий — до 5,1 в среднем для 39 регионов (этот показатель рассчитывался без учета выборов 8 октября 2006 г.).

Надо заметить, что количество партий, которые можно признать более или менее активными участниками региональных партийных систем, с одной стороны, может показаться небольшим. С другой, — партий не так уж и мало, если принять во внимание резкое усиление «партии власти» и направленную политику по консолидации элит в рамках «Единой России». Наличие в среднем российском регионе 7 активных партий, из них 5 — успешных, это — своеобразный ситуативный компромисс между однопартийностью в стиле «Единой России» и многообразием региональных групп влияния.

Введение смешанной системы в регионах подхлестнуло интерес элит к партиям, а учитывая раздробленность элит, — к многопартийности как способу борьбы за свои групповые интересы. В то же время федеральный центр, заинтересованный в создании доминирующей партии, стал сознательно управлять числом партий, взял курс на целенаправленное сокращение числа реально действующих партий. Для этого проводится политика по увеличению заградительного барьера. До сих пор на выборах чаще использовался «привычный» 5-процентный барьер. В двух регионах был даже установ-

лен 4-процентный барьер, а в одном и вовсе 3-процентный. Обычно такие решения принимались в регионах с полицентрическими элитами, которые через своих представителей в законодательных собраниях лоббировали более низкий барьер, опасаясь, что иначе их партии не получат представительства. Однако на региональных выборах в интересах «Единой России» и губернаторов все чаще стали использовать высокие заградительные барьеры.

Весной 2005 г. Кремль, так и не принявший в итоге решения об однозначной ставке на «Единую Россию» (что стало ясно позднее — в 2006 г.), решил ограничить «аппетиты» региональной элиты. Была инициирована поправка, устанавливающая предельную планку заградительного барьера на региональных выборах на уровне 7%, однако при принятии этой поправки было оговорено (по настоянию московского лобби), что данная норма не распространяется на выборы 2005 г., что позволило Москве провести свои выборы при 10%-ном барьере. Абсолютное доминирование в городской политике Ю. Лужкова и поддерживаемой им «Единой России» позволило принять такое решение, а затем, после выборов, обеспечить с его помощью полный контроль «Единой России» над городской Думой. Кремль поддерживает решения о более высоком (хотя и ограниченном сверху) барьере, да и сами регионы понимают, что 7-процентный барьер становится основным в связи с изменением федерального законодательства. Так, на выборах 12 марта 2006 г., которые прошли в восьми регионах, 7-процентный барьер использовался в четырех субъектах Федерации. На выборах 8 октября 2006 г. 7-процентный барьер уже использовали все девять субъектов Федерации, в которых избирались законодательные собрания.

Конфигурация региональных партийных систем является отражением расстановки сил в регионах, количества групп влияния и отношений между ними. В общих чертах, предварительно ее можно обрисовать следующим образом. Как правило, «Единая Россия» представляет собой ведущую коалицию региональных групп влияния. Это показывает и распространенная технология, когда список «Единой России» возглавляет сам губернатор, используя свой личный авторитет и политическое влияние для того, чтобы объединить элиты на выборах и мобилизовать избирателей. Анализ списков «Единой России» позволяет говорить о возрождении советских номенклатурных принципов: «партия власти» формально объединяет основную часть властной элиты, что не исключает наличия острых внутриэлитных конфликтов, принимающих теперь уже внутрипартийный характер.

Ярким примером формирования предвыборных списков «Единой России» по формально номенклатурному принципу стали Челябинская, Астраханская и Нижегородская области. В Челябинской области первую тройку списка «партии власти» составили губернатор П. Сумин, спикер Законодательного собрания В. Мякуш и руководитель крупнейшего предприятия — Магнитогорского металлургического комбината В. Рашников. Важен факт появления в этом списке под четвертым номером еще одной ключевой фигуры в областной политике — мэра Челябинска М. Юревича. Он является лидером собственной группы влияния и находится в острейшем конфликте с губернатором. В Астраханской области первое и второе места в списке «Единой России» заняли лидеры двух конкурирующих групп влияния — губернатор А. Жилкин и мэр Астрахани С. Боженков.

Интересен и пример Нижегородской области, где первая тройка «Единой России» включала губернатора В. Шанцева, спикера Законодательного собрания Е. Люлина и мэра Нижнего Новгорода В. Булавинова. Все три политика являются представителями собственных групп влияния, и их коалиция носила сугубо тактический характер, связанный с решением общепартийных электоральных задач. Е. Люлин долгое время претендовал на пост губернатора при поддержке бывшего представителя президента в Приволжском федеральном округе С. Кириенко. В. Булавинов неоднократно баллотировался на губернаторский пост.

КПРФ традиционно выполняет функцию главной оппозиционной партии, противостоящей «Единой России», как и всем прежним «партиям власти». Обычно коммунисты не имеют поддержки со стороны влиятельных групп региональной элиты. Поддержка КПРФ со стороны отдельных групп «второго плана» бывает возможной. Однако рискуют пойти на альянс с КПРФ немногие, опасаясь санкций. В остальном в зависимости от электоральной культуры и политической ситуации в региональную партийную систему включаются: Российская партия жизни, «Родина», Российская партия пенсионеров, ЛДПР, Аграрная партия России, а также региональные блоки (до их запрета).

«Партия власти» в регионах

Анализ результатов региональных выборов показывает, что «Единой России» пока не удается сформировать устойчивое большинство в региональных парламентах, которые, с точки зрения интересов «партии власти», оказываются слишком полицентричными.

Популярность «Единой России» в обществе не столь высока, чтобы она могла претендовать с полным основанием на роль действительно доминантной партии, что составляет важнейшую проблему этой партии. Только в 19 регионах (менее половины от нашей выборки) партия набрала более 40% голосов. Максимальные показатели были достигнуты в Чечне, Агинском Бурятском, Чукотском и Ямало-Ненецком АО (свыше 60%). Еще в шести регионах «партия власти» набрала более половины голосов (Чувашия, Белгородская, Липецкая и Челябинская области, Еврейская АО, Ханты-Мансийский АО). От 40 до 50% голосовали за «партию власти» в Туве, Приморском и Хабаровском краях, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Свердловской и Тамбовской областях, Москве (кроме того, — ровно 40% в Калужской области). Высокие показатели «Единой России» обычно являются результатом эффективного административного воздействия на избирателей. Его главные составляющие — консолидация влиятельных элитных групп (пусть формальная и временная) для поддержки «Единой России» и создание ими мотивации для голосования за «партию власти» зависимых от нее (или непосредственно от данных групп) социальных слоев. Результат, таким образом, имеет «технологический» характер, показывая уровень влияния и сплоченности властной и деловой элиты региона. Именно поэтому среди наиболее успешных для «партии власти» регионов встречаются самые разные субъекты Федерации. Здесь есть как отсталые национальные автономии и аграрные периферии, так и индустриальные регионы и даже столица страны (см. также Туровский, 2002).

В то же время в двух субъектах Федерации «Единая Россия» получила менее 20% голосов, уступив другим первое место (всего «Единая Россия» заняла первое место по спискам в 35 регионах, в четырех — второе). Такие слабые результаты были получены на Дальнем Востоке — в Амурской (16,3%) и Сахалинской (17,7%) областях. Еще в 12 регионах «партия власти» набрала от 20 до 30% голосов, что считается для нее в нынешних условиях очень плохим показателем (Республика Алтай, Хакасия, Архангельская, Владимирская, Воронежская, Кировская, Курганская, Магаданская, Рязанская, Тульская области, Корякский и Ненецкий АО).

В целом по стране можно признать, что уровень электоральной поддержки «Единой России» остался примерно на том же уровне 30–40%, каким он был на федеральных выборах 2003 г. (37,4%). Это свидетельствует о невысокой эффективности губернаторских электоральных машин в условиях сохраняющейся социальной нестабильности и элитного полицентризма. В 13 регионах результат

«Единой России» составил от 30 до 40% (Адыгея, Карелия, Марий Эл, Астраханская, Брянская, Ивановская, Иркутская, Калининградская, Курская, Новосибирская, Тверская, Читинская области, Таймырский АО), а в Костромской области — ровно 30%.

В условиях ограниченной электоральной поддержки «Единой России» гораздо выгоднее не пропорциональная, а смешанная система. Именно за счет округов, где кандидат «партии власти» обычно имеет преимущество над остальными, «Единая Россия» усиливает свои позиции в legislatures. Это, кстати, показали и федеральные выборы 2003 г., поскольку «Единой России» удалось создать конституционное большинство за счет своих, а также привлеченных в партию одномандатников. С этой точки зрения решение Кремля о переводе Госдумы на пропорциональную систему было нелогичным, многократно усложняя «Единой России» электоральную задачу и делая смутными ее перспективы в качестве «партии власти» (что является следствием клановой борьбы на федеральном уровне, заложницей которой стала «Единая Россия»).

Исследование выборов в округах (без учета выборов 8 октября 2006 г.) наглядно свидетельствует о том, что именно там неравенство стартовых условий и ресурсной базы создает «Единой России» явное преимущество. В других партиях катастрофически не хватает не только ресурсов для ведения дорогостоящих кампаний в округах, но и ярких, перспективных кандидатов, способных бороться с административной машиной. В среднем по округам в региональные legislatures прошли представители всего 2,7 партии (не считая «независимых»). Причем в 9 регионах только «Единая Россия» выигрывала выборы в округах, и в Москве она даже одержала победу абсолютно во всех округах. Почти все округа были завоеваны «Единой Россией» в Хабаровском крае, Ивановской области, Агинском Бурятском, Ханты-Мансийском и Чукотском АО. Впрочем, есть уникальный случай Корякского АО, где в округах (а точнее в едином многомандатном округе) избралась только представители КПРФ и «независимые». Еще в 8 регионах по округам прошли представители двух партий («Единая Россия» и какая-то еще). В 10 регионах успеха в округах добивались по три партии. Более успешными для партий оказались 7 регионов, где своих кандидатов провели по четыре партии, и 3 региона, где победу праздновали по пять партий. Есть единственный случай, когда в округах выиграла представители шести партий.

Впрочем, и в условиях смешанной системы «Единая Россия» не выступила на региональных выборах столь уж успешно (большинство округов она завоевала в 14 регионах — тоже не такая большая цифра).

По итогам выборов только в 15 регионах из 39 «Единая Россия» завоевала большинство мест²⁹. В 7 регионах ей удалось получить более двух третей депутатских мандатов. На Чукотке при этом в legislature прошла еще только одна партия. В Москве и Агинском Бурятском АО в legislatures представлены по три партии (в Москве на самом деле четыре, поскольку представители СПС баллотировались по списку «Яблока»). В Хабаровском крае, Челябинской области и Ханты-Мансийском АО «Единая Россия» получила более двух третей мест притом, что в legislature оказались представители четырех партий. В Курской области по спискам прошли «Единая Россия» и еще две партии, но еще две партии провели своих представителей по округам. Закономерно, что абсолютное доминирование «партии власти» сочетается с очень ограниченным представительством других партий.

От половины до двух третей мест «Единая Россия» получила непосредственно по итогам выборов в 8 регионах. Всего при этом в Чечне оказалось лишь три успешные партии, в Белгородской области — четыре. Хотя состав этих legislatures выглядит немного более разнообразным по сравнению с предыдущим списком. В Марий Эл и Кировской области в legislature прошли представители пяти партий, а в Ивановской области — даже шести. В Тамбовской области заградительный барьер преодолели только три партии, но зато за счет округов представительство получили еще две. Аналогично выборы в округах позволили увеличить число парламентских партий в Нижегородской области с четырех до пяти, а в Оренбургской области — с пяти до шести.

Среди успешных для «Единой России» регионов следует рассматривать и Ямало-Ненецкий АО, где «партия власти» завоевала ровно половину мест. При этом барьер преодолели только три партии.

Напротив, в 9 регионах «Единая Россия» не смогла получить и трети мест в legislatures. Это были Республика Алтай, Хакасия, Амурская, Владимирская, Рязанская, Сахалинская и Тульская области, Корякский и Ненецкий АО. В среднем даже в условиях смешанной системы «Единая Россия» смогла завоевать в региональных legislatures около 40–50% мест, что заметно хуже ее результата на федеральных выборах 2003 г.

²⁹ Эти расчеты также проводятся без учета выборов 8 октября 2006 г. Здесь и далее в анализ не включается изменение структуры Законодательного собрания после дополнительных и повторных выборов. Рассматриваются непосредственные итоги выборов, т.е. не учитывается последующий переход депутатов из партии в партию и вхождение в партии или фракции «независимых».

Впрочем, такой метод расчетов позволяет понять ситуацию только в первом приближении. Речь ведь идет о тех, кто входил в списки «Единой России» или официально баллотировался от нее в округах. Но практически повсеместно именно представители «Единой России» избираются спикерами законодательных собраний, подтверждая ее высокий политический статус. «Единой России» обычно удается создавать если не собственное парламентское большинство, то правящие коалиции под своим руководством. Увеличение численности ее фракции, как правило, происходит за счет «независимых» депутатов, избранных в округах, а нередко и за счет представителей других партий (на федеральном уровне о процессе «фабрикации» парламентского большинства см. Голосов, 2005). Дело в том, что, понимая ограниченную поддержку «Единой России» населением, многие политики предпочитают не выдвигаться в округах от партий или использовать для прохождения в легислатуру другие партии. Это можно считать электоральной тактикой, вытекающей из невозможности для «Единой России» завоевать более половины голосов на выборах и включить в свой список на проходных местах всех заинтересованных лиц. Однако уже после выборов «Единая Россия» в полной мере реализует свой статус, превращаясь в мощный центр притяжения для тех, кто прошел в легислатуру другим путем. Становится ясно, что вступление в эту партию является прежде всего способом укрепления позиций и повышения статуса для тех, кто тем или иным способом попал в высшие слои региональной властной элиты. Одни идут в «Единую Россию», чтобы выиграть, другие — уже выиграв, чтобы закрепить успех.

Внимания заслуживает феномен «независимых» депутатов, избирающихся в округах. До некоторой степени их можно считать «второй колонной» «Единой России», т.к. именно они, вступая в ее фракцию, позволяют ей укреплять свои позиции в легислатурах и получать парламентское большинство. Обычно это вполне статусные представители местной элиты, которые сознательно или вынужденно оказываются вне ее предвыборных списков. Особенно большое число «независимых» победителей в мажоритарных округах было в Брянской, Магаданской, Сахалинской, Тульской областях и Ямало-Ненецком АО.

Феномен «независимых» депутатов свидетельствует о том, что пока еще продолжается переходный период, когда региональные элиты отказываются от прежней беспартийности и вступают в «партию власти». Там, где элиты раздроблены, а местное руководство «Единой России» не обладает достаточной силой и авторитетом, пе-

реходный период явно затянулся. Например, в упомянутых Брянской и Тульской областях у власти находились коммунисты, что затрудняло процесс укрепления позиций «Единой России». В Магаданской и Сахалинской областях отмечалось невысокое влияние губернаторов (напомним, что на Сахалине «Единая Россия» заняла второе место по спискам). В Ямало-Ненецком АО, где «партия власти» очень сильна, тем не менее, было принято традиционное «технологическое» решение выдвинуть часть кандидатов от элиты в качестве «независимых».

Одну из главных проблем «Единой России» создает полицентрический характер региональных элит с наличием в их составе множества групп влияния. Кроме того, еще 1–2 года назад далеко не все губернаторы стремились поддерживать эту партию, не сумев, например, взять под контроль руководство ее регионального отделения. Это привело к решениям губернаторских или других мощных групп влияния создать собственные предвыборные блоки, которые обычно выступали под лозунгами регионального патриотизма, что видно по их названиям. Затруднение, связанное с юридической необходимостью создавать блок на основе отделений федеральных партий, преодолевалось за счет мобилизации слабых и лояльных партийных структур, обычно — второго и третьего эшелона. Первичной в случае регионального блока всегда была именно группа влияния.

Ярким примером служит блок «Мы — за развитие Амурской области», который поддерживал губернатор Л. Коротков. Формально блок создали структуры Российской партии жизни и «Яблока». Ему удалось занять первое место по спискам и получить около четверти мест в легислатуре. Губернаторы оказывали частичную поддержку аналогичным блокам в Рязанской и Тульской областях. В Тульской области тогдашний губернатор-коммунист В. Стародубцев поддерживал не только собственную партию, но и идеологически нейтральный блок «За Тульский край», объединивший некоммунистическую часть лояльной губернатору административной и экономической элиты. В Рязанской области губернатор Г. Шпак, пришедший к власти при поддержке партии «Родина» и не контролировавший региональную организацию «Единой России», участвовал в создании блока с идентичным названием «За Рязанский край». Правда, ближе к выборам Г. Шпак переориентировался на «Единую Россию», опасаясь санкций со стороны центра.

Интерес также представляет блок «За наш округ», который получил около 15% мест в Ненецком АО. Его активно поддерживал мэр окружной столицы Нарьян-Мара Ю. Родионовский. В Хакасии блок

«Хакасия» возглавлял спикер Верховного Совета при поддержке значительной части региональной элиты (блок получил почти четверть мест). На Таймыре успешно выступил блок «За родной Таймыр».

Случаи региональных блоков ярко демонстрируют неоднородность элит во многих субъектах Федерации. Однако эта тенденция расходилась с намерениями федерального центра консолидировать все значимые группы региональных элит в «Единой России». Также она, очевидно, снижала электоральный результат ведущей «партии власти». С этой целью и как раз после того как «Единая Россия» уступила в Амурской области региональному блоку, в федеральное законодательство были введены поправки. Они запретили создание блоков, разрешив участвовать в выборах только федеральным партиям.

Тем не менее, полицентризм региональных (также как и федеральных) элит продолжает создавать эффект «элитной многопартийности» и после запрета региональных блоков. Ключевую роль в этом процессе играет Российская партия жизни. Заметим, что РПЖ входила в состав успешных региональных блоков в Амурской области, Ненецком АО и на Таймыре, о которых сказано выше. Однако проблемой этой партии долгое время являлась низкая популярность, которая сочеталась с отсутствием у ее федеральных лидеров мощной и разветвленной региональной клиентелы. Реальное укрепление позиций этой партии в регионах началось только в 2006 г. в связи с заявлениями о формировании второй «партии власти» с помощью объединения РПЖ, «Родины» и Российской партии пенсионеров. До осени 2006 г. РПЖ приняла участие лишь в 16 выборах кампаниях из 39 (не считая участие в блоках), и сумела преодолеть заградительный барьер всего в трех субъектах Федерации (Республика Алтай, Владимирская и Курская области). 8 октября 2006 г. РПЖ участвовала в выборах в семи регионах из девяти, и ей удалось преодолеть заградительный барьер в четырех субъектах Федерации. В частности в Туве, ее результат был сопоставим с результатом «Единой России» (32,5% у РПЖ и 46,3% у «единороссов»), и в республике возникло подобие двухпартийной системы, поскольку в парламент больше не прошла ни одна партия.

Почти во всех случаях успех РПЖ был обусловлен поддержкой достаточно влиятельных местных политиков, по тем или иным причинам не вступивших в «Единую Россию». После того как РПЖ фактически начала новую историю своей деятельности в связи с известным объединительным процессом, можно ожидать, что приток «непристроенных» региональных элит в эту партию усилится, одновременно ослабляя «Единую Россию».

Анализируя ситуацию в «партии власти», необходимо обратить внимание и на специфику отношений «центр — регионы» внутри «Единой России». В условиях огромной территории и ярко выраженного доминирования губернаторов на уровне субъектов Федерации «партия власти» неизбежно сохраняет черты коалиционности — объединения региональных «партий власти» под патронажем федеральных властей. При В. Путине федеральный контроль над регионами резко усилился. Но в то же время именно от губернаторов по-прежнему в большой степени зависят результаты «Единой России», что наглядно доказывают итоги региональных выборов.

В условиях пусть ограниченного, но все же федерализма и автономии сильных губернаторов возникает характерный сюжет борьбы между федеральными и региональными группами за контроль над региональными отделениями «Единой России». Главная тенденция влечет за собой формирование отделений «Единой России» в виде региональных «партий власти», подконтрольных губернатору. Однако это не всегда устраивает федеральное руководство партии, опасаящееся утратить прямой контроль над региональными структурами. Этим объясняются периодические попытки вывести то или иное региональное отделение из-под слишком явного губернаторского контроля. Существует установка — приветствовать вступление губернаторов в «Единую Россию», но не поощрять ситуации, когда губернатор лично возглавляет региональную организацию (весной 2006 г. федеральное руководство «Единой России» открыто выступило против такой практики). В то же время федеральные власти не могут не считаться с тем, что только губернаторы способны эффективно организовывать избирательные кампании «Единой России» непосредственно на территории, и что «альтернативные» лидеры партийных организаций обладают гораздо меньшим авторитетом и влиянием. Возникает замкнутый круг: федеральным властям хочется создать жесткую партийную вертикаль, но ее эффективность не выше, чем у равноправной коалиции федерального центра и губернаторских «партий власти» (Макаренко, 1998). В итоге центр все-таки вынужден учитывать интересы региональных властных элит, и в федеральном руководстве «Единой России» действуют влиятельные региональные лобби.

Кто кроме «Единой России»?

В целом региональные выборы показывают, что «Единая Россия» действительно приобретает статус ведущей партии в органах

региональной власти. Другие партии, включая вторую «партию власти», не сопоставимы с ней по силе. Вторые позиции в региональных партийных системах с огромным отставанием от лидера пока занимает КПРФ. Эта партия участвовала в выборах в 45 регионах, и еще в одном — в Брянской области в составе блока (на Таймыре и Чукотке даже коммунисты не смогли выставить свои списки). КПРФ почти всюду преодолела заградительный барьер (исключение составила Тува), что показывает прочность ее позиций. Однако только в двух северных регионах — Корякском и Ненецком АО она опередила по спискам «Единую Россию». В Корякском АО был получен и ее самый высокий процентный показатель — более 30%. Однако этот пример стал исключением.

В большинстве случаев — в 36 регионах коммунисты набрали от 10 до 20% голосов (учитывая Брянскую область). В 4 регионах их показатели были лучше (помимо Корякского и Ненецкого АО это Владимирская и Новосибирская области), в 6 — хуже. Показателем дефицита тех ресурсов, которые определяют исход российских выборов, и кадрового голода, стали повсеместные поражения кандидатов КПРФ в округах. Очень часто партии не удавалось выиграть ни одного округа или всего один. На этом фоне выделяется Новосибирская область (семь округов), но надо признать, что и общее количество округов было велико (49).

КПРФ обычно занимает в региональных легислатурах около или немногим более 10% мест, что не позволяет ей влиять на процесс принятия решений. Повторимся, единственным успешным регионом оказался Корякский АО, что по-своему символично. В этом регионе влияние губернатора было минимальным, и сама организация кампании административными методами в условиях огромной и слабо связанной коммуникациями территории составляла большую трудность. Корякский АО — один из самых удаленных регионов России со слабой экономической базой. Здесь КПРФ удалось получить ровно половину мест, что за счет договоренностей с другими депутатами позволило избрать своего спикера Н. Солодякову. Добавим, что губернатор В. Логинов вскоре после этого был снят со своего поста Президентом России, формально — за социально-экономическую ситуацию, но отчасти — по причине провала «партии власти» на выборах. Интересно, что впоследствии, но уже вне связи с региональными выборами, лишился поста и губернатор Ненецкого АО А. Баринов.

Кроме того, заметным (но не решающим) можно назвать представительство КПРФ в двух сибирских регионах. В Новосибирской

области она контролирует более 20% мест, в Читинской — почти 20%. Эти успехи — тоже результат слабого губернаторского контроля, полицентризма в элитах и одновременно хорошей организации кампании коммунистами.

Говоря о КПРФ, следует напомнить, что в России еще остаются три губернатора — члены этой партии. Причем Кремль сознательно поддерживает крайне ограниченную «многопартийность» губернаторского корпуса. Два губернатора-коммуниста, в свое время избранные народом, уже назначены президентом на новый срок. Такие президентские решения свидетельствуют о том, что процесс превращения «Единой России» в единственную «партию власти» не завершен и может оказаться обратимым (это показывает и усиливающаяся активность Российской партии жизни). Кремль признает право КПРФ на существование и стремится, чтобы ее деятельность (и популярность) не выходили из определенных рамок. Для этого он демонстрирует готовность к взаимодействию, позволяя коммунистам оставаться губернаторами. Важно заметить, что сами губернаторы-коммунисты, опасаясь санкций со стороны центра, не делают однозначную ставку на собственную партию, что превращает их членство в КПРФ в формальность. Владимирский губернатор на выборах помогал и КПРФ, и «Единой России» (региональная организация которой ему лояльна), и в такой двухпартийности не было никакого внутреннего противоречия³⁰. Впрочем, когда дело дошло до выборов спикера, Н. Виноградов все-таки был на стороне своего однопартийца А. Боброва, который сохранил этот пост после выборов.

Влияние ЛДПР в региональных партийных системах еще ниже. Эта типично лидерская партия имеет очень слабые региональные отделения, что всегда ведет к низкой поддержке на региональных выборах в сравнении с федеральными. Но в то же время уровень популярности ЛДПР, заданный популярностью В. Жириновского, позволяет этой партии преодолевать заградительный барьер и в регионах. ЛДПР участвовала в 47 избирательных кампаниях, добившись успеха в 33 регионах. Обычно ее результат оказывался немного выше заградительного барьера. В Москве, где барьер повысили до 10%, несмотря на хороший процентный показатель, ЛДПР осталась «за бортом». Общая тенденция к повышению барьера до 7% привела к неудачам ЛДПР на выборах 8 октября 2006 г. (лишь в трех регионах из девяти партия прошла в законодательные собрания). Только в двух дальневосточных регионах — Магаданской области и Чу-

³⁰ Интересно, что в этой ситуации в жесткую оппозицию губернатору перешла РПЖ

котском АО партия В. Жириновского смогла завоевать более 15% голосов (еще в 10 регионах результат составил 10–15%). Интересно, что на Чукотке именно ЛДПР, а не КПРФ оказалась второй и последней партией, которая участвовала в выборах вместе с «Единой Россией» (это отражает особенности электоральной культуры данного региона). Признаком слабости региональных структур этой партии является почти полное отсутствие побед в округах (ЛДПР выиграла по одному округу в Курганской и Курской областях, и на этом ее успехи закончились).

В итоге фракции ЛДПР в региональных парламентах обычно включают по несколько депутатов, их влияние близко к нулю. Только в Курганской и Магаданской областях партия контролирует более 10% депутатских мандатов, в Архангельской и Кировской областях приближается к этому. Для всех четырех регионов, кстати, характерна слабость губернаторского влияния и позиций «Единой России», что усилило полицентризм и благоприятствовало ЛДПР.

ЛДПР еще сохраняет статус «проходной» партии, что привлекает к ней внимание части региональной элиты (хотя осенние выборы 2006 г. впервые поколебали этот статус). Обычно это — не крупный региональный бизнес, представители которого спонсируют партию и проходят с ее помощью в легислатуры. В Кировской области лидером партийного списка стал известный и политически активный бизнесмен О. Валенчук, ранее занявший второе место на губернаторских выборах (и пытавшийся внедриться в «Единую Россию»).

В других случаях ЛДПР задействована в политических играх региональных властей, которые поддерживают ее, чтобы нейтрализовать протестные настроения (поскольку фракция ЛДПР в итоге оказывается лояльна властям). На Чукотке власти стимулировали кампанию ЛДПР в рамках искусственно сформированной «двухпартийности» и в условиях отсутствия в этом регионе реально действующих политических партий. То же самое происходило в соседнем Корякском АО, но там «Единая Россия» и ее фактический союзник ЛДПР выборы проиграли.

Оппозиционность ЛДПР может быть стимулирована извне теми группами, которые заинтересованы в ослаблении «Единой России». Так случилось в Белгородской области, где сценарий выборов определялся конфликтом между губернатором Е. Савченко и группой московского мэра Ю. Лужкова (в лице компании «Интеко», которая принадлежит жене мэра Е. Батуриной). ЛДПР при поддержке столичной группы развернула агрессивную кампанию против губернатора. Уже не должен казаться парадоксальным тот факт, что руками

ЛДПР один влиятельный «единоросс» (Ю. Лужков) подрывал позиции другого (Е. Савченко).

Таким образом, ЛДПР в региональных партийных системах обычно представляет собой полностью зависимый элемент. Она зависит или от региональной администрации, которой нужно расколоть оппозиционный электорат (а потом поддерживает администрацию, вступая в фактический альянс с «Единой Россией»), или от регионального бизнеса, приватизирующего ее региональные отделения, чтобы создать себе политическое представительство в законодательной власти. Клиентелистские принципы партийной деятельности в случае ЛДПР явно доминируют, в то время как ее связь с социально-групповыми интересами минимальна. ЛДПР не стала «партией власти» или ее дублером, поскольку или является инструментом в руках «партии власти», или представляет маргинализированный в местной элите бизнес.

Наряду с «Единой Россией» КПРФ и ЛДПР в региональных партийных системах представлены еще три относительно заметные партии — «Родина», Российская партия пенсионеров и АПР. Все они позиционированы слева от центра, их электорат пересекается с электоратом КПРФ. Одновременно «Родина» играет на националистическом поле, где ее электорат пересекается с ЛДПР. Важно подчеркнуть, что все три партии возникли в результате решений, принятых влиятельными элитами. «Родина» изначально воспринимается как кремлевский проект, смысл которого состоял в перехвате электората КПРФ. Российская партия пенсионеров создавалась не пенсионерами, а политически активным бизнесом (сначала тюменский бизнесмен С. Атрошенко, затем челябинский — В. Гартунг), а в настоящее время подконтрольна одной из кремлевских групп (ее возглавил заместитель губернатора Тульской области И. Зотов). Что касается АПР, то она прошла через серьезную трансформацию. На первом этапе эта партия, созданная аграрной элитой, выступала, в силу особенностей идеологической ориентации этой элиты, союзником КПРФ на левом фланге, работая с сельским электоратом. Затем, однако, она стала теснее сотрудничать с властными элитами, и на данном этапе считается подконтрольной Кремлю. Ее лидер В. Плотников в Госдуме входит во фракцию «Единой России». Рассмотрим теперь, какую роль играют эти партии в региональных партийных системах.

«Родина» участвовала в региональных выборах в 29 регионах, и еще в двух субъектах Федерации входила в состав блоков. Выступление этой партии можно признать успешным: в 19 регионах, а также

в тех двух, где она входила в блоки, «Родина» прошла в региональные легислатуры. Хотя процентные показатели обычно были невысокими, не выше 10%. Лишь в Воронежской области, которую в Госдуме представляет бывший партийный лидер Д. Рогозин, «Родина» получила более 20% голосов. Только в 10 регионах (включая регионы, где «Родина» была представлена блоками) результат составил от 10 до 20%.

Ограниченные возможности «Родины» ярко показывает ее провал в округах. Только в Республике Алтай число побед оказалось заметным — четыре. В Тульской области блок с участием «Родины» выиграл три округа. В то же время, например, в Воронежской области, несмотря на хороший результат по спискам, партия не выиграла ни одного округа.

В результате влияние «Родины» в легислатурах оказалось небольшим. Только в пяти регионах — Республике Алтай, Хабаровском крае, Воронежской, Сахалинской и Тульской областях ее представители заняли по итогам выборов более 10% мест.

Попытки «Родины» стать значимой силой в российской провинции ярко продемонстрировали ее зависимость от властных элит. На первом этапе, пользуясь поддержкой Кремля, «Родина» могла вести довольно успешную работу с региональными элитами. Левонационалистическая идеология этой партии не была основным фактором формирования партийных структур там, где они действительно стали сильными. Скорее, «Родина» привлекала часть бизнес-элиты, которая использовала эту партию для продвижения во властные структуры. Популярная идеология понималась как способ привлечь голоса, избирательная технология.

На втором этапе, когда лидер партии Д. Рогозин оказался в конфликте с кремлевскими кураторами партийной системы, «Родина» стала главной жертвой «управляемой демократии». В 2005 г. сначала она была отстранена от участия в выборах во Владимирской области. Затем в конце 2005 г. ее сняли с дистанции в Москве, что послужило началом мощной кампании против Д. Рогозина. На выборах 12 марта 2006 г. «Родине» оставили только Республику Алтай, а в остальных семи регионах по тем или иным формальным причинам партия не смогла участвовать в выборах (интересно, что на Алтае она не просто прошла в парламент, но создала там влиятельную фракцию).

На третьем этапе, после смены лидера, ухода Д. Рогозина и назначения на его место А. Бабакова, репрессивные меры в отношении «Родины» прекратились. Однако период «войны» Кремля с этой партией резко подорвал интерес к ней региональных элит, что

только стимулировало их внимание к «Единой России». Вхождение «Родины» в объединительный процесс с РПЖ и Российской партией пенсионеров только усугубило эту тенденцию, а также привело к «разбеганию» части актива. В итоге на осенних выборах 2006 г. «Родина» выступила крайне слабо, добившись успеха только в Астраханской области, где ее представлял популярный и активный депутат Госдумы О. Шеин. Вся эта история наглядно показала, что электорат «Родины» — порой достаточно значительный по размеру — так и не приобрел устойчивого характера. Ее неучастие в выборах было воспринято населением довольно равнодушно и не вызвало никаких протестных действий.

Вторым и еще более ярким примером «странной» партии является Российская партия пенсионеров, на местах это — в чистом виде продукт политических технологий региональной бизнес-элиты. Прагматическая ставка бизнеса на левый популизм и привлечение пенсионерских голосов оказались весьма эффективными в ситуации некоторой усталости от КПРФ. Пенсионеры оказались перед выбором. Они могли по привычке голосовать за коммунистов, которые им близки идеологически, и в активе которых много лиц пожилого возраста. Но КПРФ не могла проводить патерналистскую политику и реально что-то делать для пенсионеров, не имея власти. В этой ситуации часть пенсионеров решила поддержать партию, созданную специально для привлечения их голосов, но только не самими пенсионерами, а бизнесменами.

Российская партия пенсионеров, проигравшая думские выборы 2003 г., стала главным открытием региональных выборов 2004—2006 гг. Она участвовала в 29 избирательных кампаниях (не так много, поскольку у партии нет большого числа реально функционирующих отделений), добившись успеха в 22 из них. Обычно она, подобно ЛДПР и «Родине», набирала менее 10% голосов. Но в Магаданской области ей удалось завоевать свыше 20% и получить более 10% мест в легислатуре. Здесь ее представлял известный политик В. Буткеев, бывший депутат Госдумы и совсем не пенсионер. Важную роль в магаданской кампании «пенсионеров» сыграл бизнесмен из Свердловской области П. Федулев, поначалу входивший в партийный список.

Списки Партии пенсионеров не имели ничего общего с целевой аудиторией и в Нижегородской области — другом успешном для нее регионе. Тройку списка составляли успешные молодые бизнесмены и политики, двое из которых представляли компанию «ROOM», занимающуюся производством алкоголя. Список возглавлял хозяин этой фирмы Р. Антонов, возглавлявший бюджетный комитет в Зако-

нодательном собрании прошлого созыва. В коалицию с группой Р. Антонова вступил другой известный нижегородский бизнесмен и тоже депутат Законодательного собрания К. Бочкарев (торговый сектор). Обладая большими финансовыми возможностями, эти бизнесмены смогли раскрутить партию до уровня более 15% голосов и выиграть три одномандатных округа. Это в целом позволило им занять более 15% мест в Законодательном собрании, что является наилучшим показателем влияния Партии пенсионеров в регионах (она стала второй партией в Законодательном собрании после «Единой России»).

Заметим также, что на фоне интриги, связанной с объединением РПЖ, «Родины» и Российской партии пенсионеров, последняя резко активизировалась, стремясь получить более сильные позиции в этом объединении или, в случае его неудачи, претендовать на самостоятельное прохождение в Госдуму. Осенние выборы 2006 г. ознаменовались новым (и, видимо, поддержанным отдельными кремлевскими фракциями) всплеском активности этой партии и оказались очень удачными. Партия пенсионеров участвовала в шести избирательных кампаниях из девяти и везде добилась успеха. В Свердловской области она даже завоевала уверенное второе место, получив почти 19% голосов.

В заочной конкуренции между РПЖ и Российской партией пенсионеров за ведущие позиции в объединенной партии по итогам осенних выборов 2006 г. Партия пенсионеров на самом деле выглядела лучше. В отличие от РПЖ у нее не было «провальных» регионов. В Свердловской области Партия пенсионеров опередила РПЖ, то же произошло в Приморском крае и Еврейской АО, где РПЖ даже не преодолела заградительный барьер. Напротив, только в Карелии и Липецкой области РПЖ получила больше голосов, чем Партия пенсионеров (причем в Липецкой области, где РПЖ имела официальное право ссылаться на поддержку В. Путина, она лишь ненамного опередила Российскую партию пенсионеров). Тем не менее, высокий федеральный статус руководства РПЖ все-таки позволил этой партии занять ведущие позиции в процессе объединения. Эта ситуация наглядно показала, что процессы партийного строительства в России являются проекцией борьбы групп влияния на федеральном уровне, курирующих различные партии.

АПР, напротив, потеряла основную часть элитной и электоральной поддержки. За сельского избирателя борются «Единая Россия» и КПРФ (отчасти также ЛДПР). Аграрная элита больше стала поддерживать «Единую Россию», не видя в АПР эффективного лоббиста своих интересов (эта партия была полноценно представлена

только в Госдуме первого созыва в 1993—1995 гг., а в Госдуме второго созыва получила представительство только за счет группы одномандатников). Осталось лишь небольшое число регионов, где партия сохранила поддержку части аграрных элит, способных, в свою очередь, влиять на зависимый от них сельский электорат — работников сельхозпредприятий. Но она при всем своем опыте и истории отстала даже от Партии пенсионеров. АПР участвовала в выборах в 17 регионах и еще в четырех субъектах Федерации в составе блоков (обычно не на первых позициях). Ей удалось преодолеть заградительный барьер в 10 регионах, а также пройти в легислатуры в случае трех блоков из четырех. Более 10% голосов она завоевала лишь в шести регионах (Адыгея, Республика Алтай, Марий Эл, Костромская, Новосибирская и Читинская области). Принципиальным фактором ее поддержки были не аграрная специализация региона и высокая доля сельского населения, а наличие влиятельных групп аграрной элиты, сохранившей верность этой партии. Чаще всего это, кстати, происходило в тех регионах, где не удалось создать мощную «партию власти» номенклатурного типа. Обратим внимание на традиционно не самую плохую поддержку кандидатов АПР в округах, что объясняется особенностями партии, выдвигающей довольно влиятельных на селе руководителей. В Новосибирской области она даже провела пятерых кандидатов в округах.

Однако влияние АПР в законодательных собраниях мало, только в Адыгее, Новосибирской и Читинской областях она контролирует более 10% мест. Обычно АПР вступает в коалиции или с «Единой Россией», или с оппозицией. В Новосибирской области она изначально шла на выборы в альянсе с КПРФ. Ее список возглавлял выходец из этого региона Н. Харитонов, кандидат КПРФ на президентских выборах 2004 г. В Адыгее АПР вместе с коммунистами вошла в состав оппозиционной коалиции, противостоящей «единороссам». В целом АПР амбивалентна, делая ситуативный выбор или в пользу влиятельной «Единой России», или идеологически более близкой КПРФ. По итогам региональных выборов ей не удалось доказать прочность своих позиций и статус общенациональной партии. Скорее, речь идет об «островках» поддержки в регионах, где большая доля сельских избирателей сочетается с наличием авторитетных сельских руководителей, еще поддерживающих эту партию. Осенние выборы 2006 г. стали восприниматься как закат этой партии, поскольку она не участвовала в выборах ни в одном регионе.

Региональные выборы продемонстрировали крайне слабое влияние либеральных партий, которые по их итогам не вписались в реги-

ональные партийные системы. Одна из причин — электоральная, она связана с тем, что социально мобильные группы, голосующие за СПС и «Яблоко», почти не участвуют в региональных выборах, не считая их значимыми и добровольно отдавая инициативу в руки других сил. Вторая причина связана с характером партийного строительства. Региональный бизнес, с интересами которого в наибольшей степени стыкуется идеология СПС и «Яблока», в последние годы, после поражения этих партий на федеральных выборах занял прагматическую позицию, считая инвестиции в эти партии неэффективными. Вместо этого наметилась тенденция поддержки бизнесменами «проходных» партий вне зависимости от их идеологии. Именно за счет этого пошли в гору дела у Партии пенсионеров и «Родины», отчасти у ЛДПР и местами даже у КПрФ. Напротив, только усилился отток влиятельных фигур от СПС и «Яблока». В legislатурах они представлены в лучшем случае единичными депутатами.

Анализ результатов СПС на региональных выборах доказывает, что его победы вообще никак не соотносились с электоральной культурой и «демократическими», либеральными ориентациями населения. Всего СПС смог выставить свои списки в 19 регионах, и еще в одном регионе создал блок с Народной партией (осенью 2006 г. СПС не выставлял свой список ни в одном из регионов). Успеха партия добилась в семи регионах и в Иркутской области в составе блока. СПС намеренно маскировал свою идеологию, делая ставку на популизм. Блок с участием этой партии в Иркутской области именовался «За родное Приангарье!», ничем напоминая про либеральные реформы. Неудачно выступивший в Архангельской области блок СПС и «Яблока» был назван «Наша Родина — Архангельская область».

Самым успешным регионом для СПС стала... Чечня, где он завоевал более 10% голосов и с учетом хорошего результата в округах получил 20% мест в legislатуре. На выборах в Чечне определяющим фактором является принадлежность кандидатов к тем или иным кланам. Успех СПС обусловила игра в «управляемую многопартийность» фактического республиканского лидера Р. Кадырова, который поддерживал «Единую Россию» (набравшую более 60% голосов), но при этом был лояльно настроен по отношению к СПС. Список СПС возглавляли известные и влиятельные фигуры — М. Ханбиев (бывший дивизионный генерал в армии А. Масхадова!) и спортсмен-борец А. Темишев. К федеральному СПС и тем более его идеологии они не имели почти никакого отношения.

Успешными для СПС стали еще два совершенно «нетипичных» региона — периферийные Амурская и Курганская области, где «пра-

вые» завоевали более 10% голосов. И здесь решающую роль сыграла активная, затратная кампания, в которой участвовали заметные фигуры, ранее в связях с СПС не замеченные. Никогда не было высокой поддержки СПС в периферийной Брянской области, где эта партия на этот раз добилась успеха. Также она создала себе представительство в Ивановской, Рязанской и Тульской областях, где в административных центрах хотя бы есть прослойка демократически настроенной интеллигенции, и результаты прошлых выборов для либералов были неплохими.

«Яблоко» имеет в регионах еще более слабые позиции, поскольку ему в еще меньшей степени удалось привлечь региональный бизнес или изменить идеологию в сторону популизма. Его участие отмечено в 12 регионах, что свидетельствует о фактическом развале региональной сети. Преодолеть заградительный барьер партии удалось лишь в Калужской области и Москве (в столице «Яблоко» получило более 10% голосов). Важно отметить, что в обоих регионах «Яблоко» выступало в альянсе с СПС. В Москве, в условиях запрета на блоки, представители СПС были включены в его список. В Калужской области «Яблоко» выдвигало свой список, а представители СПС шли в одномандатных округах.

На этом фоне предпринимались попытки раскрутить партию «Свободная Россия», которая считается в экспертном сообществе кремлевским проектом новой либеральной партии. В одном регионе — Новгородской области эта партия смогла пройти в законодательное собрание, набрав более 10% голосов.

На этом в сущности список партий, которые можно признать более или менее влиятельными в региональных партийных системах, заканчивается. Можно обратить внимание на единичные примеры побед других левонационалистических партий, обусловленных входением в их состав заметных политиков в регионах. Партия «Народная воля», участвовавшая в 2003 г. в создании блока «Родина» и потом разорвавшая с Д. Рогозиным и его партией, выступила в 12 регионах (включая один блок). В Тверской области она преодолела барьер: причиной успеха стала поддержка партии мэром Твери О. Лебедевым, который возглавил список. В Тульской области партия составила основу блока «Глас народа — за Родину!», который добился успеха за счет энергии его лидера В. Сухорученкова, известного местного политика. Партии «Патриоты России» (которой руководит депутат Госдумы бизнесмен Г. Семигин) удалось добиться успеха в двух регионах — Калининградской и Оренбургской областях. Левопопулистская Партия социальной справедливости смогла преодо-

леть заградительный барьер в Архангельской области. Аналогичные по ориентации блоки добились успеха в Рязанской области («Социальная защита и справедливость», созданная местными бизнесменами и представляющая собой аналог Российской партии пенсионеров) и на Сахалине (блок «За достойную жизнь и социальную справедливость», который возглавляла... заместитель губернатора Л. Шубина). В Приморском крае в Законодательное собрание прошла партия «Свобода и народовластие», лидером которой является депутат Госдумы от Владивостока В. Черепков.

Для полноты картины отметим единичные успехи еще некоторых партий. Бывший дублер «партии власти», левоцентристская Народная партия, ныне уже фактически не действующая, смогла пройти в окружную Думу на Таймыре. Ее успех — это всецело результат местных политиков, сделавших ставку на эту партию в силу стечения обстоятельств. В Адыгее в легислатуру прошла Российская объединенная промышленная партия, брендом которой воспользовалась известная общественная организация Союз славян Адыгеи, пользующаяся влиянием среди русского населения. РОПП в Адыгее сыграла характерную для российской партийной политики роль «троянского коня», спрятавшего внутри влиятельную местную группировку, не имеющую собственной партийной идентификации. Кстати, по своей идеологии Союз славян Адыгеи напоминает партию «Родина» (руководительница Союза Н. Коновалова прежде сотрудничала с Конгрессом русских общин Д. Рогозина) и уж никак не индустриальное лобби.

Подходы к классификации региональных партийных систем

Анализируя расстановку сил в региональных законодательных собраниях, можно предложить следующие основы классификации регионов в зависимости от количества релевантных (по Дж. Сартори) партий.

С одной стороны, выделяются многопартийные регионы. Их многопартийность вызвана кумулятивным эффектом развитых протестных настроений и полицентризма в элитах. Во всех девяти регионах, где «Единая Россия» не сумела по итогам выборов получить и трети мест в легислатурах, многопартийность является прямым следствием ситуации с губернатором. Этот вывод подчеркивает моноцентризм режимов региональной власти.

Во Владимирской и Тульской областях губернаторский пост на момент выборов занимал член другой партии — КПРФ. Особен-

ность положения губернатора-коммуниста в российской политике заключается в том, что он обычно уклоняется от административной поддержки КПРФ, но при этом не хочет или оказывается не в состоянии делать ставку на другие партии. Это приводит к росту полицентризма, элита оказывается неконсолидированной, что приводит к «многопартийности». В результате представительство в легислатуре Тульской области получили восемь партий и блоков, во Владимирской области — семь. В обоих случаях заметные позиции в легислатурах заняли «Единая Россия» и КПРФ, к которым в Тульской области добавилась влиятельная здесь «Родина» (точнее — блок «Засечный рубеж — партия «Родина», олицетворяемый опытными и влиятельными местными политиками), а во Владимирской области — Российская партия жизни.

Другой характерный сценарий возникает в случае слабости губернатора, что также влечет за собой элитный полицентризм. В Корякском АО провал «Единой России», приведший к сенсационной победе КПРФ, был обусловлен низким авторитетом и влиянием губернатора. В Ненецком АО, где КПРФ тоже заняла первое место по спискам, губернаторский ресурс фактически отсутствовал: выборы проходили одновременно с губернаторскими, в которых не смог участвовать губернатор В. Бутов.

Партийный и элитный полицентризм усиливается на фоне смены власти в регионе или в случае прихода к власти слабого губернатора. В Республике Алтай выборы проходили как раз на фоне смены главы региона. В такой ситуации пройти в парламент смогли шесть партий, представлявших различные элитные группировки. Одной из этих партий, кстати, ранее руководил на федеральном уровне сам бывший глава республики М. Лапшин (АПР). Хороших результатов на Алтае добились «Единая Россия» и «Родина». Заметим, что партии, близкие к бывшему главе республики (АПР и КПРФ), прошли в легислатуру, но выступили слабее, чем могли бы в случае административной поддержки.

Многопартийность часто была следствием того, что губернатор делал ставку на другую партию или блок. В Амурской области на фоне конфликта между губернатором (который вел на выборы собственный блок) и «Единой Россией» смогли пройти в парламент восемь партий. Аналогично в Рязанской области ситуация благоприятствовала семи партиям и блокам, в Хакасии — шести. Явно была упущена губернатором ситуация на Сахалине, где «Единая Россия» уступила по спискам патриотическому блоку «Наша Родина — Сахалин и Курилы», а всего в легислатуру попали шесть партий и блоков.

Противоположный сценарий предполагает фактически однопартийную систему. Регионы, в которых «Единая Россия» смогла получить более половины, а то и более двух третей мест, были перечислены выше. Во всех случаях такой результат является прямым следствием консолидации элит вокруг, как правило, сильной фигуры губернатора. Близким является вариант, при котором «Единая Россия» имеет относительный перевес, но с ней не может сравниться ни одна другая партия. Например, в Ямало-Ненецком АО «единороссы» соседствуют с формально «независимыми» одномандатниками, вместе формируя на самом деле монолитный депутатский корпус. В Иркутской и Калининградской областях формально «Единая Россия» немного не добрала до половины мест, но при этом все прочие партии представлены буквально единичными представителями.

В некоторых регионах ситуация немного ближе к двухпартийности, поскольку есть партии или коалиции, которые хоть как-то заметны на фоне «партии власти». В Брянской области такое положение — результат того, что прежний губернатор был коммунистом (губернаторские выборы проходили в тот же день). Влияние губернатора и левых в этом регионе способствовало тому, что, проиграв «Единой России», они хотя бы смогли создать заметную фракцию в областной Думе. В Адыгее и Новосибирской области по итогам выборов сложились влиятельные коалиции, представленные коммунистами и аграриями (а в Адыгее еще и «промышленниками»). Новой тенденцией стало формирование двухпартийных систем на основе «Единой России» и РПЖ, но единственным примером оказалась Тува. В Воронежской области можно условно говорить о трехпартийности, т.к. наряду с «Единой Россией» здесь значимо представлены в легислатуре «Родина» и КПРФ.

Однако важно обратить внимание на коренное расхождение предвыборной расстановки сил и формирования поствыборных коалиций. На выборах в России происходит дробление оппозиционного электората в связи с наличием нескольких левых и националистических партий. Эта ситуация поддерживается как электоральной стратегией Кремля, заинтересованного в том, чтобы «разделять и властвовать» на оппозиционном поле, так и позициями не примыкающих к «Единой России» элитных групп, которые предпочитают сотрудничеству с коммунистами создавать новые партии. В результате «Единая Россия» обычно добивается относительного превосходства над обилием левых и националистических партий. После выборов идеологическая близость партий оказывается малозначи-

мым фактором в сравнении с их включенностью в патронажно-клиентельные отношения. Формирование оппозиционных коалиций при участии КПРФ (как в Адыгее и Новосибирской области) является редкостью. Вместо этого обычно возникают правящие коалиции на основе «Единой России», к которым присоединяются представители «оппозиционных» партий типа «Родины», ЛДПР и Российской партии пенсионеров. Обычно эти партии удовлетворяются предложенным им распределением постов в Законодательном собрании и фактически прекращают оппозиционную активность, оставляя этот «неблагодарный труд» коммунистам. Создание таких коалиций облегчает эклектическая идеология «Единой России», которая не препятствует блокированию с самыми разными партиями.

«Управляемая демократия» и перспективы русской партийной системы

Региональные партийные системы в России являются продуктом «управляемой демократии». Управляемая демократия — это еще яркая характеристика России как атипичной демократии, в которой выборы и партии имеют другой смысл и содержание в сравнении с западными либеральными демократиями (отсюда новый концепт идеологов «партии власти» — Россия как «суверенная демократия», где сложившиеся *ad hoc* властные элиты конструируют демократические процессы в своих интересах). В условиях низкой гражданской активности и слабо развитого гражданского общества, в сочетании с ярко выраженными интересами властных и деловых элит демократические процедуры быстро вырождаются в управляемую демократию. Процесс управления выборами включает несколько составляющих:

- Личный авторитет представителей власти, выступающих в роли агитаторов.
- Поддержка «партии власти» со стороны чиновничества и их семей.
- Контроль над информационным полем.
- Сетевые организационные ресурсы влияния на подконтрольные структуры, зависимые и влияющие на электоральный выбор. Главные примеры — сеть органов местного самоуправления, сеть бюджетных организаций (школы, учреждения здравоохранения, культуры, науки и т.п.) и сеть экономически или политически зависимых предприятий.

- Альянс власти и бизнеса, позволяющий привлекать финансовый ресурс.

- Фальсификации выборов с помощью подконтрольных избирательных комиссий³¹.

Режим управляемой демократии предполагает и формирование списка партий, допущенных к участию в выборах, управление этим списком. Фильтрация списка участников электорального процесса проводится для того, чтобы создать более выгодную «партии власти» расстановку сил, устранить неугодные партии, которые представляют враждебные клиентелы или отбирают голоса у «Единой России». Формальная и постоянно растущая строгость избирательного законодательства сочетается в управляемой демократии с его выборочным применением, когда сила закона обрушивается на неугодные партии. Управляемая демократия предполагает отсутствие независимых избирательных комиссий и судов. На практике эти структуры финансово зависят от исполнительной власти, а их руководство формируется по принципам политической лояльности. В итоге ключевой частью избирательной кампании является принятие политических решений о допуске тех или иных партий к выборам. Эти решения частично принимаются на федеральном уровне, частично вопрос решают губернаторы, исходя из своих интересов.

В существующей ситуации в относительно благоприятном положении оказались КПРФ и ЛДПР, что имеет свои объяснения. КПРФ смогла завоевать устойчивую репутацию организованной партии, сочетающей опыт политической борьбы с дисциплиной и аккуратностью при оформлении документов. Поэтому отстранение КПРФ от участия в выборах было бы воспринято общественным мнением как явная несправедливость. С другой стороны, электоральные показатели КПРФ сегодня уже не пугают «партию власти», которая готова согласиться с небольшим присутствием коммунистов в органах законодательной власти. Почти не принимаются и решения о снятии с дистанции ЛДПР. Единственным примером стал Ямало-Ненецкий АО. В случае ЛДПР власти также опасаются негативного резонанса — громких публичных скандалов со стороны лидера партии В. Жириновского. Даже отстранение ЛДПР от выборов на Ямале стало причиной для такого скандала. При этом еди-

³¹ В условиях низкой явки на региональных выборах самой распространенной технологией фальсификаций становится вброс бюллетеней. Поэтому реальная явка на выборах в России на самом деле неизвестна и уж точно ниже официальной. Вброс бюллетеней повышает официальную явку и результаты «партии власти»

ничное присутствие членов ЛДПР в legislatures также не пугает «Единую Россию», наоборот, с ЛДПР обычно сотрудничают.

Главными объектами давления оказались относительно новые партии клиентелистского типа — «Родина» и Партия пенсионеров. Эти партии стали получать поддержку части региональных элит, не попавших в «Единую Россию», и при этом выходить из-под кремлевского контроля, разрабатывая собственные стратегии. В то же время они были призваны выполнять важную для Кремля функцию по расколу оппозиционного электората и нейтрализации протестных настроений. В результате, пока в партии «Родина» не сменился лидер, шла тотальная кампания по ее отстранению от участия в выборах. Региональные избиркомы и суды приняли активное участие в этой кампании. Окончательные решения принимал Верховный Суд РФ, который подтвердил принятые в регионах решения о снятии «Родины». В меньшей степени жертвой подобной кампании стала Партия пенсионеров, пока она не заменила успешного лидера В. Гартунга, при котором она и добила основных успехов. Например, Партию пенсионеров не допустили к выборам в Челябинской области, на родине В. Гартунга, где он имеет существенное влияние.

В связи с формированием второй «партии власти» особого внимания заслуживает сценарий осенних выборов 2006 г., связанный с отстранением от участия в выборах РПЖ и ее последующим восстановлением. Этот сценарий стал следствием того, что губернаторы на протяжении ряда лет работали на поддержку «Единой России», и РПЖ стала сочетать статус одной из «партий власти» федерального уровня со статусом оппозиционной партии в регионах — по отношению к губернаторам. Последние изначально не были заинтересованы в ее раскрутке (хотя уже появились признаки «двойной игры» некоторых губернаторов на обе «партии власти»). Однако федеральное влияние РПЖ позволило восстановить ее среди участников выборов посредством решений Верховного Суда РФ (в отношении Тувы, Свердловской области, Еврейской АО).

Другой тенденцией становится уже не выборочное, а массовое отстранение партий от участия в выборах с целью облегчить положение «Единой России» и усилить ее доминирование. Самым ярким примером стала Нижегородская область, где перед выборами 12 марта 2006 г. были отстранены «Родина», АПР, «Патриоты России», Партия социальной справедливости, Социалистическая единая партия России и ДПР. В итоге в бюллетене остались только шесть партий, а «Единая Россия» одержала полную победу.

В то же время нельзя сказать, что управление выборами является таким уж тотальным, и что конфликты всегда заканчиваются победой «партии власти». Против «Единой России» могут выступать вполне влиятельные региональные группы. Либо навязываемые судам и избиркомам политические решения являются слишком не-объективными. Поэтому управляемая демократия таит риски для «партии власти» в случае, если она оказывается не в состоянии довести свою тактику до конца. Тогда может сработать известный на российских выборах синдром «обиженных», которые привлекают еще больше голосов, чем могли бы. Например, свое право на участие в выборах отстаивали «Родина» на Алтае, Партия пенсионеров в Магаданской области, АПР в Адыгее, РПЖ в Туве. Все они добились на выборах очень неплохих результатов.

Региональные партийные системы, которые возникают сейчас в связи с выборами в законодательные собрания и массовым вступлением губернаторов в «Единую Россию», постепенно формируют основу для общенациональной партийной системы. На региональном уровне «Единая Россия» превращается в правящую партию, но со своими особенностями (когда первична принадлежность к властной элите, а партийная принадлежность является следствием обладания властным статусом). На федеральном уровне, однако, сохраняется беспартийная система в связи с тем, что вне партий формально находится глава государства, и исполнительная власть не формируется по партийному принципу. Поэтому пока правильнее говорить о «беспартийной системе с доминирующей партией» — доминирующей в тех пределах, которые определены «Единой России» Кремлем и развитием проекта второй (и, возможно, не последней) «партии власти». Но, что важно, эти пределы уже включают доминирование «Единой России» в органах региональной власти, что отличает региональные партийные системы от общенациональной. Продолжается снижение числа активно действующих партий — при прямом и заинтересованном участии президентских структур.

Новый этап развития российской партийной системы начнется после федеральных выборов 2007—2008 гг. в зависимости от электро-рального результата «Единой России», который покажет ее способность удержать статус наиболее влиятельной партии, и в зависимости от которого в Кремле будут приняты решения о дальнейшей стратегии структурирования партийной системы. Нельзя, например, исключать, что вместо одной доминирующей партии усилится тенденция к «управляемой многопартийности», предполагающей наличие двух и более сопоставимых по силе партий, выражающих

интересы властной элиты и ее отдельных групп (коалиций) и отличающихся по своей идеологии. Можно вспомнить старую, еще 1995 г. идею создать в России двухпартийную систему на основе право- и левоцентристской партий, в равной степени поддерживающих правящий режим, но опирающихся на разные группы влияния. Ее реализация не исключена и сейчас, когда «Единая Россия» вышла на первые позиции, но по-прежнему не может завоевывать абсолютное большинство голосов избирателей. Попытка создания «второй партии власти» с умеренно левой идеологией стала важной тенденцией в развитии российской партийной системы в 2006 г.

Подводя итоги, заметим, что формирование многопартийности в России после распада СССР и ликвидации КПСС выявило ее клиентельный и элитарный характер. В российской партийной системе смешиваются тенденции беспартийности, однопартийности и управляемой многопартийности, отражающие в большей степени расстановку сил в политическом классе и в гораздо меньшей степени ценностные ориентации и социальное структурирование электората. Наиболее мощным фактором политической организации остается формирование патронажно-клиентельных отношений и в этой связи создание партий или внутрипартийных групп на основе клиентел. Это в свою очередь не позволяет России двигаться по пути создания «классической» демократии западного типа, формируя особый тип элитарно-клиентельной псевдомократии.

Литература

1. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
2. Бунин И.М., Макаренко Б.И. Политические партии: испытание выборами // Формирование партийно-политической системы в России. М., Московский центр Карнеги, 1998.
3. Гельман В.Я. Трансформация российской партийной системы: монополизация политического рынка // Общественные науки и современность, 2006, №1.
4. Голосов Г.В. Происхождение современных российских политических партий, 1987-1993 // Первый электоральный цикл в России. 1993-1996 гг. М., Издательство «Весь Мир», 2000.
5. Голосов Г.В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Полис, 2005, №1.

6. Зудин А.Ю. Режим Владимира Путина: контуры новой политической системы. М., Московский центр Карнеги, 2002.
7. Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., Аспект Пресс, 2005.
8. Коргунюк Ю.Г. Эволюция организационных форм политических партий и современная представительная демократия // Полития, весна-2004, с. 25-70.
9. Лихтенштейн А.В. «Партия власти»: электоральные стратегии российских элит // Второй электоральный цикл в России. 1999-2000 гг. М., Издательство «Весь Мир», 2002.
10. Макаренко Б.И. Губернаторские «партии власти» как новый общественный феномен // Полития, 1998, №1, с. 50-58.
11. Российская партийная система: нынешнее состояние и перспективы развития. <http://www.politcom.ru/2005/prognoz17.php#26>
12. Рябов А.В. «Партии власти» в современной политической системе России // Макфол М., Марков С., Рябов А. (ред.) Формирование партийно-политической системы в России. М., Московский центр Карнеги, 1998.
13. Сартори Дж. Партии и партийные системы: Рамки анализа // Партии и выборы: Хрестоматия (ч. 1). М., ИНИОН, 2004.
14. Туровский Р.Ф. Где и какие в России партии? («партийные» против «независимых» в одномандатных округах) // Россия на выборах: уроки и перспективы. Политгеографический анализ. М., ЦПТ, 1995, с. 63-109.
15. Туровский Р.Ф. Региональные аспекты общероссийских выборов // Второй электоральный цикл в России. 1999-2000 гг. М., Издательство «Весь Мир», 2002.

О.ЗЕВИНА, Б.МАКАРЕНКО.

Политические субкультуры — далекие и близкие

В сентябре 2006 г. Центром политических технологий было проведено исследование основных политических субкультур³². Гипотеза исследования заключалась в наличии в российском обществе четырех относительно автономных политических субкультур — «либеральной», «патриотической», «провластной» и культуры, связанной с ностальгией по советскому прошлому.

В качестве исходного допущения для отбора респондентов предполагалось, что каждой субкультуре соответствует определенная электоральная группа: «либералы» — сторонники «Яблока» и СПС, «патриоты» — сторонники «Родины» и ЛДПР, «лоялисты» — сторонники «Единой России», «советские традиционалисты» — сторонники КПРФ.

В исследовании выявлялись особенности самовосприятия субкультур (отношение каждой субкультуры к основным политическим ценностям, иерархия и значимость ценностей) и взаимовосприятие (оценка значимости ценностей для других, оценка дистанции между субкультурами).

Методика исследования

Респондентам было предложено проранжировать ценности по степени их значимости (понятия «государство и личность» не включались в ранжирование), затем обсуждалось содержательное наполнение понятий:

- «РЫНОК»
- «СВОБОДА»
- «ПАТРИОТИЗМ»
- «СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ»
- «ГОСУДАРСТВО И ЛИЧНОСТЬ»
- «НРАВСТВЕННОСТЬ И СЕМЬЯ»

³² Данное исследование являлось частью более крупного социологического исследования политических настроений москвичей, проводившегося по заказу Правительства Москвы. Исследование проводилось в Москве методом фокус-групп, который позволяет рассмотреть мотивацию респондентов, определяющую структуру и характер общественно-политических установок. Всего было проведено 20 фокус-групп (по 5 на каждую субкультуру). Представители каждой субкультуры были разделены на 4 возрастные группы для выявления динамики идейно-политических установок, связанных с возрастом. Всего в исследовании приняли участие 192 человека.